

«Я буду молиться и сердцем, и думами, распятою буду молиться душой...
За родной народ Беларуси!» Владимир Мулявин

РЕКВИЕМ ПЕСНЯРУ

Российская духовно-мемориальная
газета «Реквием»

Специальный выпуск, посвященный памяти Народного артиста СССР Владимира Мулявина

Слово редактора

БЕЛОРУССКИЙ РЕНЕССАНС

Мы пережили многих Героев Нашего Времени — Власть предержащих, емко прозванных в народе «народными» то ли героями, то ли артистами, не могущими связать на своем родном языке и двух народных словечек, но умеющими подыграть и расстелиться «чего изволите», перед теми, кто помыкал ими и указывал. Они палец о палец не ударили, чтобы сбречь святая святых нации — ее язык и культуру. Национальная культура постепенно приобретала оттенок ругательный и руководители местного «ЧК» хватались за пистолет, услышав выходящее из обихода белорусское слово. По частям и оптом разбазаривалось национальное достояние народа. Без суда и следствия ссылали в ГУЛАГ и «нашдемовщину» из-за одного подозрения, что «враг народа» говорит и мыслит «по-белорусски». И во все времена почем зря свои же рубили свои собственные национальные и родовые корни, устраивали настоящую Голгофу всему живому, посмевшему заявить о национальном возрождении. «Мы — советские!» впервые гордо прозвучало на всю страну из уст новых белорусских «так званых» патриотов, во всему слышание отказавшихся от своей родословной. Мы — «тутэйшия», более скромно называли себя народ новой Белой Руси, подражая папусам и диким племенам, открытым незабвенным Миклухо-Маклаем.

И право же, стоило задуматься, почему так случилось и кто виноват в отторжении самим народом своего национального менталитета. Власть считала — сам народ виновен в том, что не желает общаться на своем родном языке, что язык этот груб, неблагозвучен и в мире никому неизвестен. Да и кто раньше задавал вопросы и объяснял что и почем? «Так решила партия и ее ЦК!» И какие могли возникнуть вопросы? Да никаких вопросов! Разве белорусам не разрешали петь на родном языке? Фольклорные песенные коллективы постоянно создавались на уровне сел и поселков, даже районов! В репертуаре — песни народные, свадебные, похоронные... Но явился Мулявин и все пошло по-другому. Можно спорить и делать предположения, а что было бы, не явилась Мессия? Одно ясно — Мулявин и без официальных званий стал для каждого белоруса своим признанным Мессией народного возрождения.

Мулявинские «Песняры» вошли в жизнь многих поколений сразу и навсегда, как будто время долго готовило их появление, прикидывало так и эдак, потом решило — пора, это то, что надо для населения северо-западного края, потерявшего веру в свое возрождение.

Никого не шокировало, не удивляло, что менялись люди, появлялись знакомые лица и исчезали. Но ансамбль «Песняры» остался неизменным, как и раньше радовал песнями, неожиданными, неповторимыми, неподражаемыми. «Песняры» вдруг зазвучали на всю страну и захватили ее территорию, и население огромного унитарного государства диктатуры пролетариата, потянулось за этими лихими белорусскими парнями легко и с восторгом.

Песни имели имя и лицо — назывались они «мулявинские», что полностью соответствовало имиджу «народные», так как у них был слегка отстраненный взгляд прозрачных искренних глаз, длинные мягкие волосы и пышные панские усы. Лицо, походка, повадки — чисто мужицкие, белорусские, что наилучшим образом пришло к песням, как и песни к лицу... Это было настолько точно вылеплено из имиджа белоруса, настолько адекватно, что слилось на мертвое и больше никогда не отделялось друг от друга... Все знали — есть Мулявин, будут и «Песняры», а значит, не иссякнет белорусская песня.

Строилась и концепция «Песняров» — переосмыщенная

памяти Владимира МУЛЯВИНА

ПЕСНЯР

Белый аист летел
над славянским заснеженным полем,
Белым светом земля
под крылом расстилалась, как дым.
Белорусская песня,
молитва любви и боли,
Белым нимбом сияла
легко и незримо над ним.
Черный ворон кружил,
поджидая над миром поющим
Черных дней и ночей —
а когда подошла их пора,
Черный смерч пролетел

над родной Беловежской пущей,
Черный пепел упал
на златую струну песняра.
... Черной вести удар
навалился обрушенной кручей,
Белый говор берез
заглушила кромешная грусть.
Черной далью обят,
через черную-черную тучу
Белый аист летит,
белый-белый, как Белая Русь...

ЕВГЕНИЙ НЕФЁДОВ

МЭТРЫ ДОЛЖНЫ

БЕЛОРУССКИЙ РЕНЕССАНС

ОКОНЧАНИЕ, НАЧАЛО
НА СТР. 1

через призму рок-музыки народная песня в современной аранжировке, как и новые произведения, оставаясь по духу народными, приобретали современное звучание. Песня звучала вполне привычная — ее пели еще прапуры, и подавалась так, что не полюбить ее было выше сил человеческих, будь ты простой полешук или же большевик до мозга костей. Сам Мулявин в одном из интервью вспоминал: «Когда я приехал в Белоруссию в 1963 году — то песен белорусских не слушали, их не знали и не любили сами белорусы. И моя задача была, чтобы белорусскую песню узнали все и полюбили». Такой безобидный с точки зрения идеологии ход довольно быстро сделал «Песняров» известными по всему Советскому Союзу. Чиновников не могла не радовать пропаганда народного творчества, песни о природе, любви к родине, простых белорусских девушкиах. А рядовых слушателей радовало, что все-таки «Песняры» были талантливейшим из всех существующих в Союзе, если не во всем мире, вокально-инструментальным ансамблем, а музыкальное чутье и вкус Владимира Мулявина практически не имели себе равных.

В 70-е годы прозвучали первые и непревзойденные шедевры «Песняров»: «Беловежская пуща», «Александрина», «Березовый сок», «Косил Ясь конюшину», сразу ставшие хитами мирового значения. Без «Песняров» уже не обходились на праздничных концертах, группа очень много гастролировала как по России, так и по странам соцлагеря. А в 1976 году «Песняры» первыми из советских групп совершили турне по Соединенным Штатам. Восторженный и очень положительный отзыв на те гастроли дали даже знаменитые БИТЛЫ.

В 80-е годы группа увлеклась искусством крупных форм, стала записывать фолк-оперы в национальном белорусском духе, чем навлекла на себя гнев официальных властей и официальной прессы, которая начала «причитать» о потере слушательского интереса. «Песнярам» предрекали полное забвение. Но одно дело — официальные установки, и совсем другое — истинное творчество. Музыка «Песняров», словно птица Феникс, возрождалась из пепла официального забвения. И в первую очередь стараниями и энергией бессменного руководителя «Песняров» Владимира Мулявина. И уже в конце 90-ых прошли триумфальные концерты — сначала на «Славянском базаре» в Витебске, потом в Москве и Питере. Владимир Мулявин заново и прочно застолбил за собой нишу главного белорусского музыканта, поддерживал в «Песнярах» боевой дух, превращая молодых музыкантов в народом признанных письмиков.

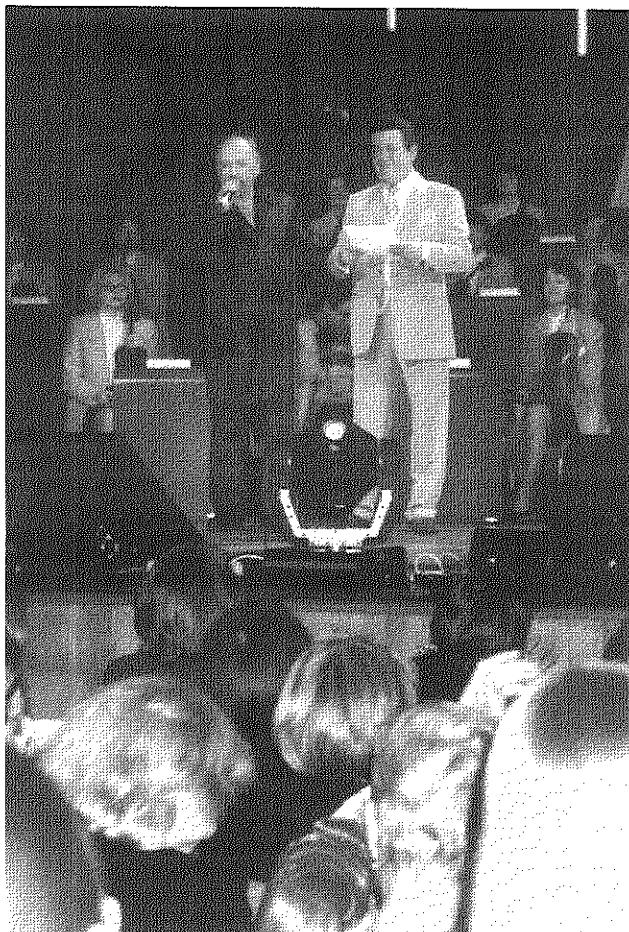
В 2001 году «Песняры» достигли очередного пика в своей карьере. Владимир Мулявин был удостоен ордена Франциска Скорины — высшей награды Республики, у зала «Россия» в Москве была заложена именная звезда Маэстро, там же в честь этого события прошел грандиозный концерт. Почивать на лаврах Владимиру Мулявину не пришлось. Но вдруг — автокатастрофа...

Мулявина сегодня признают все. И народ — католики, православные, иудеи, патриоты-демократы, коммунисты, националисты и оппозиционеры, Белорусский народный фронт и официальные власти в своей оценке деятельности «Песняров» единодушны — это белорусский Ренессанс.

Мулявин — это Гений музыки, которого признают все. И нет в помине всяческой конъюнктуры, оглобельной политизации и намека на антинародность. Быть признанными всеми удавалось далеко не всем, даже гениям. Раз в столетие восходит такая звезда, которая на небе светит всем одинаково, вовсе не заботясь о том, какую непосильную плату пришлось уплатить народу, прежде чем он дождался и смог увидеть истинный свет нового в своей истории возрождения национальной культуры. И это возрождение справедливо связывают с именами не генсеков и вождей, а с именем национального гения белорусской музыки, рожденного русским.

Но ничего нет вечного под солнцем. Солнце всходит и заходит. И двадцатый век Беларусь прожила под звездой «Песняров». Ее свет сполна ощущали люди нескольких поколений, под ее благотворным влиянием вырастают новые поколения знатоков и ценителей белорусского слова Богдановича, Купалы, Колоса, Танка, Бровки, Кулешова, подаренного белорусам гением Мулявина. И то, что свет нового Возрождения объединил белорусов, всех славян, мы, пожалуй, задумались только теперь, когда этой звезды не стало.

АЛЕКСАНДР ГЛОД

Главный врач Республиканской больницы Управления делами Президента Ирина Абельская убеждена: в Республике сделали все, чтобы спасти великого Музыканта и абсолютную заботу о здоровье песняра взяла на себя президентская власть. Решение о переводе народного артиста в 19-ю московскую клинику, которая является реабилитационной базой Института нейрохирургии им. Бурденко, принял состоявшийся в августе в Минске совместный белорусско-российский медицинский консилиум. Участие в нем приняли ведущие нейрохирурги и реабилитологи двух стран. Тогда же была выработана тактика дальнейшего лечения и восстановления. Владимир Мулявин был доставлен самолетом в Москву.

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Еще совсем молоденькой студенткой, приезжая в Минск, мечтала только об одном — попасть на концерт «Песняров». Имя Мулявина для меня, как и для миллионов людей, было легендой. И я благодарна судьбе, что смогла узнать его поближе.

Последняя наша встреча была в канун Старого Нового года — 13 января 2003 года в НИИ им. Бурденко, где В.Г. Мулявин находился на лечении. Я приехала поздравить Владимира Георгиевича с праздником. Он выезжал на коляске в сопровождении жены и спортивного врача на тренировку. Подтянутый, красивый, веселый, одетый в спортивный костюм.

Он шутил, улыбался, рассказывал смешные байки, анекдоты. С лучистой улыбкой похвастался: «Буду сегодня стоять». Едем по длинным больничным коридорам. От волнения у Владимира Георгиевича поднимается давление.

«Может быть отложить тренировку», — волнуется жена Светлана. «Нет», — заявляет Владимир Георгиевич.

— «Такие женщины рядом, и праздник сегодня.

Буду стоять». Моё сердце замирает. Но всё в порядке.

Специальные приспособления, поддержка медицинской сестры и Владимир Георгиевич стоит. Трудно даются наклоны в стороны, но получаются. Всё получается!

Надо было видеть его глаза! Смотрю на него и мне кажется, что он сейчас запёт. А для него сейчас главная песня — это двигаться. Это бороться за каждое движение. И как он боролся!!! Так же азартно, как и пел. Мы, стоявшие рядом, верили, что у него всё обязательно получится. Тем страшнее и нелепее стало известие об его уходе из жизни. Мне не верится, что его нет, он так хотел жить, творить, петь.

НАДЕЖДА ЕГОРОВА. Г. МОСКАВА

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕБЫВАНИЕ В МОСКВЕ

С переездом в Москву Мулявину и его супруге Светлане Пенкиной помогало посольство Беларуси в Москве.

В больнице Мулявина регулярно навещали коллеги-артисты, известные политики, друзья и родственники прославленной семьи. Владимир Георгиевич, по рассказам очевидцев, пронут вниманием, тем, что его помнят и любят...

Рассказывает ответственный сотрудник дипломатического ведомства Беларуси в Москве Александр Глод:

— Действительно, в мае Владимир Мулявин попал в автокатастрофу, вылетев с трассы на собственном «мерседесе» на скорости около 100 км в час. Врачи доставили Владимира Георгиевича в белорусский НИИ травматологии с диагнозом «закрытый перелом-вывих шестого позвонка с повреждением спинного мозга». Мулявин был полностью парализован, не мог даже дышать самостоятельно.

Два месяца он провел в реанимации, после чего был переведен в больницу Управления делами Президента Беларуссии.

Появилась спасительная мысль закрепить достигнутые результаты лечения уже в Москве, у тамошних медицинских светил. Длительная и весьма интенсивная переписка между соответствующими структурами Минска и Москвы была продуктивно завершена, и разрешение на перевоз Мулявина и его лечение получены.

Владимира Георгиевича сразу же поместили в отдельную палату в отделении нейротравмы. И уже через три дня начались процедуры в восстановительном центре института. И в Москве неотлучно возле больного находилась его жена актриса Светлана Пенкина. У нас с ней разногласий в установлении режима допуска посетителей не возникало: к Мулявину охотно пускали всех, кого хотел видеть и с кем желал общаться большой музыкант...

Жаль, что это решение не принесло желаемого результата.

АНТОН АНДРИЧ

ВОЗВРАЩАТЬСЯ!

Правительственное сообщение

Владимир Георгиевич МУЛЯВИН

Национальная культура Беларуси понесла тяжелую и непоправимую утрату. В ночь с 25-го на 26 января 2003 г. после тяжелой болезни остановилось сердце выдающегося музыканта и композитора, народного артиста СССР и Беларуси, заслуженного деятеля культуры Польши, создателя и бессменного художественного руководителя Белорусского государственного ансамбля «Песняры» Владимира Георгиевича Мулявина.

В.Г.Мулявин родился 12 января 1941 г. в г. Свердловске. После окончания музыкального училища он приехал в Беларусь, с которой навсегда связал свою жизненную и творческую судьбу. С 1962 г. Владимир Мулявин работал артистом Белорусской государственной филармонии. А в 1969 г. стал художественным руководителем созданного им ансамбля «Песняры».

Неповторимый талант Владимира Мулявина, воплощенный в творчестве «Песняров», открыл новую эпоху в белорусском эстрадном искусстве. В его замечательных песнях богатое музыкальное и поэтическое наследие белорусского народа приобрело современное звучание. Владимир Мулявин был также прекрасным певцом, обладателем красивого драматического тенора, голос которого узывали с первой ноты.

Навсегда вошли в историю музыкальной культуры написанные Владимиром Мулявиным «Песня о доле», вокальный цикл «Я не поэт...», музыкальный спектакль «Во весь голос» по поэме В.Маяковского, композиции «Песня — бесценный дар», «Через всю войну», «Венок сонетов М.Богдановича» и другие. Благодаря замечательному музыкальному таланту Мулявина обрели вторую жизнь белорусские народные песни «Косил Ясь конюшни», «Реченька», «Купалинка», «Перепелочка». Многочисленные почитатели творчества «Песняров» с восхищением слушают вокальные произведения композитора на стихи классиков и современных поэтов: «Александрина», «Заушницы», «Марися», «Чырвона ружа», «Ой, колядочки» и многие другие.

Имя и творчество Владимира Мулявина широко известны далеко за пределами Беларуси. Вместе с «Песнярами» он побывал в разных странах мира, где искусство выдающегося композитора и исполнителя принимали с восторгом. Но самыми желанными и благодарными слушателями для Владимира Мулявина всегда были земляки-белорусы.

Заслуги выдающегося музыканта современности высоко оценены на Родине и за ее пределами. Владимир Мулявин был удостоен почетных званий СССР, Беларуси и Польши, награжден орденом Франциска Скорины, стал лауреатом премий ВЛКСМ и ЛКСМБ, многочисленных музыкальных конкурсов. В Москве на Аллее Звезд сияет и звезда нашего знаменитого соотечественника.

Владимир Георгиевич Мулявин навсегда останется в памяти современников и потомков. Его уникальный талант и душевная щедрость будут служить людям, согревая их сердца светом красоты и доброты.

А.Г.ЛУКАШЕНКО, Г.В.НОВИЦКИЙ, А.В.ВОЙТОВИЧ, В.А.ПОПОВ, У.Р.ЛАТЫПОВ, В.Н.ДРАЖИН, С.Н.КНЯЗЕВ, И.А.КОРЕНДО, Л.П.ГУЛЯКО, М.Я.ПАВЛОВ, Г.С.ОВСЯННИКОВ, Л.Л.БОРТКЕВИЧ, И.И.ВАШКЕВИЧ, В.И.ГАЕВАЯ, М.П.ДРИНЕВСКИЙ, В.Н.ЕЛИЗАРЬЕВ, М.А.КОЗИНЕЦ, А.И.КЛИМОВА, И.М.ЛУЧЕНКОВ, М.Я.ФИНБЕРГ, Ф.И.ШИМАКОВ, А.А.ШУТ, Р.И.ЯНКОВСКИЙ.

Официальные соболезнования

Президент России Владимир Путин выразил соболезнования родным и близким Владимира Мулявина. «Ушел из жизни замечательный артист, легенда советской эстрады, яркий и обаятельный человек, — говорится в телеграмме. — Неизмеримо трудно смириться с горькой утратой, неосуществленными планами и неспетьими песнями. Многочисленные поклонники таланта Владимира Георгиевича скорбят вместе с вами. Память о нем и его творчестве навсегда останется в сердцах всех, кому он дарит свое искреннее и светлое искусство».

«Горькая весть о смерти Владимира Георгиевича Мулявина потрясла меня до глубины души, — говорится в соболезнованиях Президента Беларуси Александра Лукашенко родным и близким В.Мулявина. — От нас ушел выдающийся музыкант современности, создатель и бессменный руководитель всемирно любимого ансамбля «Песняры», певец и композитор. С именем этого замечательного человека связана целая эпоха в развитии белорусского искусства. В своем творчестве он органично соединил богатые песенные традиции нашего народа и достижения современной эстрадной музыки».

РЕКВИЕМ МАСТЕРУ

Нет и не будет Володи Мулявина...
Так не может быть.

Кажется, он был всегда — улыбающийся, доброжелательный, надменный и грустный одновременно, полный достоинства и аристократизма, окутанный легендами человека, которого невозможно с кем-то спутать.

Ни в жизни, ни тем более на сцене.

Он всегда ходил по Минску быстро, сверкая глазами, блестя зубами из-под своих знаменитых усов, летом — в расстегнутой рубашке, зимой за ним летел яркий шарф. И в белорусскую музыку, в начале 60-х, он тоже вбежал — неожиданно для тогдашних ревнивых мэтров и ярко — как весенний молодой дождь.

Сначала всех умилили «Лявоны», потом потрясли «Песняры».

«Александрина», «Шэпчуцца явар з калінаю», «Завушницы».

Через несколько лет весь Советский Союз знал белорусские песни и от Бреста до Зеравшана и Чукотки брал штур-

мом кассы, чтобы послушать и своими глазами увидеть Мулявина. А было и мировое признание, американские газеты выходили с заголовками на первой странице: «Гениальный десант из Минска!»

И наверное, не будет никакого преувеличения, если кто-то скажет, что Владимир Мулявин сделал для белорусского языка также много доброго, как Максим Богданович. Или Янка Купала. Мулявин, человек невероятной скромности, все же интуитивно чувствовал, что и Максим, и Янка — предтечи. Не случайно две программы он написал в память о них.

...С Володей посчастливилось дружить много лет. Летом 85-го года на Нарочи я подарил ему книгу стихов Валентина Тараса, потом познакомил их. Так родилась одна из наиболее цельных и щемящих «песняровских» программ «Через всю войну», а потом и фильм.

...В нем жила музыка, он жил в песне, но жизнь его была совсем не цветным концертом.

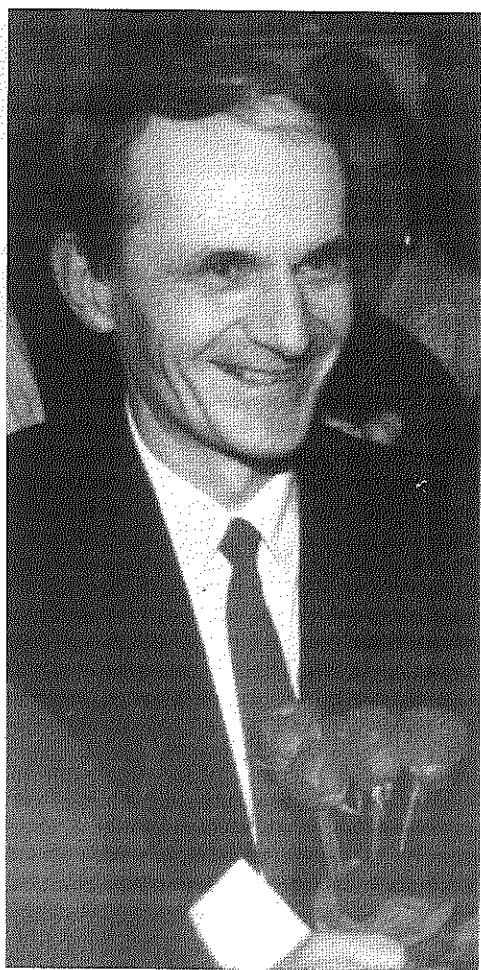
Он улыбался, но часто ему было очень тяжело.

Наверное, грусть — это расплата гениев за талант.

Я пишу этот некролог — и перед глазами Володя. Человек, без которого невозможно представить ни наше поколение, ни нашу страну...

ПАВЕЛ ЯКУБОВИЧ

Игорь Лученок, народный артист СССР, лауреат государственной премии Беларусь, Председатель Белорусского союза композиторов:

— С Владимиром Мулявиным меня связывает длительная история дружбы, которую можно выразить поэтическими строками: «Были встречи долгими, коротко прощание». Я много раз посещал его во время болезни и последними словами его ко мне было следующее: «Игорь, мы еще запомим!» И вот мне пришлось открывать в Москве траурный митинг.

ПЕСНЯ КАК РЕБЕНОК, КОТОРОГО СЛЕДУЕТ ЛЮБИТЬ

Но сегодня уже вспоминаются не те трудные минуты, а то, что вместе с Мулявиным было сделано 25 песен и рок-опера «Гусляр» на слова Янки Купалы, время, когда мы много выступали и объездили весь бывший СССР и многие зарубежные страны. И хотя я его знал много лет, он все равно оставался для меня непознанной, неразгаданной тайной. Это был не только огромный талант. Но и настоящий самородок. Он же не кончал никаких консерваторий — только музыкальное училище. И это был единственный случай в истории нашей культуры, когда мы приняли в члены Белорусского Союза композиторов человека не только без композиторского диплома, но и вообще без высшего музыкального образования, что не предусмотрено нашим уставом. В те времена мало было принять человека в БСК здесь, в Минске, утвердить решение правления Союза композиторов должны были в Москве. А Москва была против. И все же Мулявина приняли: помогли Тихон Хренников, председатель Союза композиторов СССР, и Александра Пахмутова. Так что слова «он сам себе создал имя» здесь кстати.

Сам же Мулявин был вечным пахарем: работал и работал. Не то что над каждой песней, над каждой нотой. Интересное дело: случалось, принесешь ему песню, даже если он сам ее попросил, он никогда не скажет, хороша она или нет. Однажды я не выдержал и поинтересовался, зачем он так поступает: не то интригует, не то не уважает, выражая явное безразличие... А он объяснил, что песня не может быть сразу ни хорошей, ни плохой: «Она, как ребенок, которого мало родить, его следует еще воспитывать». И он воспитывал — талантливо и заботливо. В результате я сегодня и не знаю, где в наших песнях его

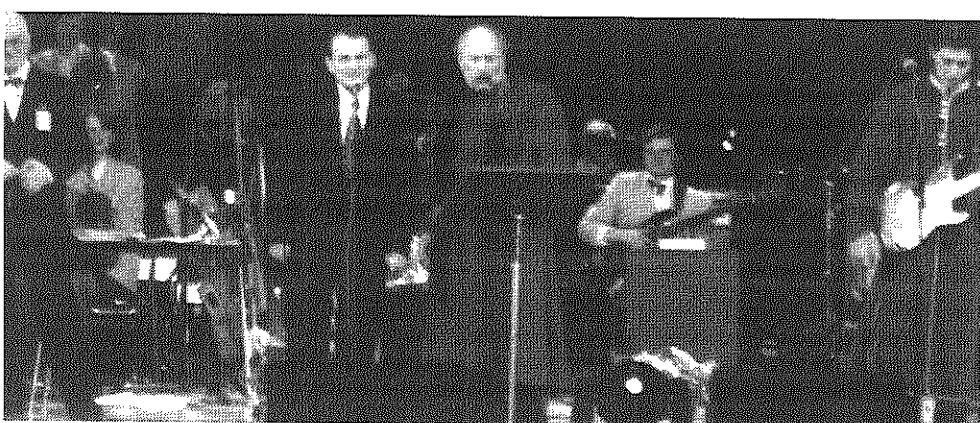
нота, а где моя. Он всегда расширял музыкальную форму, дописывал вступление, проигрыши. Мелодию менял редко, но случалось, и тогда исправлял отдельные ноты...

Он чувствовал песню — чувствовал сердцем, по-отцовски. Однажды я привел к нему одного знатного композитора, и тот начал предлагать свои песни и немного, как говорят, нажимать. Мулявин все послушал, но ни одной песни так и не принял, сколько на него не «нажимали» сверху. А сколько его критиковали! Даже за цикл «Через всю войну», так как он не укладывался в привычные рамки патриотической тематики. Мулявин и здесь оставался самим собой. Человек он был независимый, с настоящим славянским духом. И его музыка — это не «попса», а национальная гордость, рассчитанная на многие поколения. И не только белорусов, многих народов. И надо было видеть, как принимали белорусские песни и фольклор американцы. Песню «Добрый вечер, девчонка» исполняла даже американская группа — на ломаном белорусском языке они пели вместе с «Песнярами». И это было не просто вхождение в рок-стилистику или даже наступление на американский рок, а

как писали их газеты, «русское вторжение на роковом фронте». И это была победа!

Михаил Финберг, народный артист Беларусь, лауреат Государственной премии, художественный руководитель Государственного концертного оркестра Беларусь:

— Я благодарен судьбе, что знал Владимира Мулявина не только как музыканта, но и как чудесного человека еще с того времени, когда мы с ним служили в армии. И я особенно счастлив, что принял участие в торжествах в Москве, когда ему закладывали памятную плиту на Площади Звезд перед Концертным залом «Россия»: именно с нашим оркестром «Песняры» давали тот памятный концерт, который потом был повторен в Белорусской государственной филармонии. Владимир Мулявин — гений белорусской музыки, истинный новатор. По выступлениям «Песняров» зарубежье судило об общем уровне нашей нации, нашей культуры. Потому так важно, что он любил белорусскую поэзию, берег белорусское слово и фактически заставил слушать мир песни по-белорусски.

ОН ПЕСНЕЙ ВОШЕЛ В КАЖДЫЙ ДОМ

Еще не поредела шевелюра Мулявина, впереди — многочисленные пластинки, турне, звание народного артиста СССР. Но уже ясно определены цели ансамбля, безусловно соединившего белорусский фольклор и современную джазовую музыку. Наверное, так интерпретировать народные мелодии никто иной не умел. Владимир Мулявин выстрадал свой неповторимый стиль, по-братьски разделенный с другими участниками прославленного ансамбля. Он ездил в белорусскую глубинку, припадая к первоисточнику, собирая народные песни в экспедициях и позже вынося на суд зрителей вроде бы знакомые, но звучащие по-новому мелодии. Он ни разу не сфальшивил. Современное прочтение старых нот рождало потрясающие ощущения. И оригинальные произведения в исполнении «Песняров» воспринимались словно народные, прошедшие испытания разными традициями и вкусами. «Александрину» и «Беловежскую пушку» пели в каждом доме не только минчане и москвичи. Песни Мулявина знали и любили во всех уголках огромной страны. В нем не было подавляющего лоска «звезды» — для всех он считался своим.

Владимир Мулявин: «Если бы все начинать сначала, я выбрал бы Беларусь!»

- Случись выбирать место на планете, где бы ты жил?
 - Где-нибудь на Витебщине. Там множество чудесных озер, рек, там сосны и такой чистый воздух, замечательные люди. Возможно, это желание связано и с Витебским «Славянским базаром», где нас всегда принимают с чистыми, как озера, и открытыми, как небеса, сердцами. Не забыть мне и места над Неманом, скажем, Николаевщину, родину Якуба Коласа. Кстати, красивых мест на Беларусь не сосчитать.
 - А где ты любишь отдыхать?
 - На родине, на Урале. Там места мне очень напоминают Витебщину. Озера. Грибы. Охота. Люблю озеро Нарочь. И как ни странно — южное побережье Африки. Но самое райское место на земле, по-моему, остров Гренада.
 - На каких музыкальных инструментах ты не играешь?
 - На скрипке.
 - Какой твой любимый цвет?
 - Зеленый. Он успокаивает душу.
 - Цифра?
 - Девять с половиной...
 - Животное?
 - Лошадь. Мечтаю когда-нибудь приобрести.
 - Птица?
- Сокол.
 - Металл?
 - Серебро.
 - Игра?
 - Настольный теннис.
 - Пища?
 - Холодник. Пельмени.
 - Алкогольные напитки?
 - Ром с содовой.
 - Твой характер?
 - Вспыльчив, но отходчив.
 - Чего ты больше всего боишься в жизни?
 - Апатии.
 - Какую свою работу считаешь наиболее удачной?
 - Оперу-притчу «Песня о доле» на стихи Янки Купалы.
 - А наименее удачной?
 - Наверное, программу на стихи Владимира Маяковского. Я так и не довел ее до кондиции, хотя фрагменты там получились... Думаю, что и программа «Вольность» была грамотно построена. В Москве, в Концертном зале «Россия», и в Минске она вместе с настольческими шлягерами минувших лет пользовалась успехом.
 - Над чем работал в последнее время?
 - Пишу музыку на стихи белорусских

поэтов Панченко, Тавляя, Вергинского, Макаля, Барадулина, Гроховского. Трудно пока сказать, что из всего этого получится.

— Мне кажется, ты всегда улавливал требование времени, то органически соединяя народные, фольклорные, местные мелодии, как правило, позабытые, с современным духом, как бы оживляя регу, повергая слушателей в сладкую истому ностальгии...

— Сейчас люди, особенно пожилые, имеют потребность в настольческих песнях. Я знаю, сегодня, какую бы чудесную новую программу я не создал, люди не перестанут просить повторить и «Беловежскую пушку», и «Рушники», и «Косит Ясь...», и «Александрину», «Ночку темную», «Веронику», «Купалинку», «Ой, рано...». Я благодарен судьбе, что свела меня с поэзией Янки Купалы, Максима Танка, Аркадия Кулешова, Валентина Тараса, Владимира Некляева, Петруся Бровки, Веры Вербы, что сдружила меня с композиторами Игорем Лученком и Юрием Семенякой... Я сердечно благодарен Беларусь, которая так тепло приняла меня и стала моей второй родиной навсегда...

БЕСЕДОВАЛ БОРИС КРЕТАК

ДАРЬЯ КАЛЯГИНА

Владимир Георгиевич Мулявин родился 12 января 1941 г. Вырос в Свердловске. В юности был лидер-гитаристом в группе, учился по классу гитары в музыкальной школе, откуда был отчислен за увлечение джазом (запретной западной музыкой). Джаз навсегда станет любимой музыкой Мулявина: «Я сам джазовый музыкант: для меня гармония рок-н-рольных вещей представляется очень прими-тивной» («Московские новости», январь 2002 г.).

Позже играл в различных коллективах в Кузбассе, Карелии и Оренбурге. Был призван для прохождения действительной военной службы в оркестр при штабе Белорусского военного округа, где в то же время служили будущие участники «Песняров» — Александр Демешко и Владислав Мисевич.

В Минске джазовой среды не существовало, и Мулявин увлекся тогдашним фолк-роком и поздними Beatles. После армии решил остаться в Беларуси и создать ансамбль, который бы использовал в своей музыке элементы национальной музыки России, Украины и Беларуси. Однако позже стало ясно, что подобный «славянский эксперимент» по различным причинам неосуществим, и в результате Мулявин остановился на полюбившемся ему белорусском фольклоре.

Музыканты ездили по деревням, записывая народные песни, а затем делали свои аранжировки. Параллельно работали в качестве аккомпанирующего коллектива под названием «Лявох» при Белгосфилармонии, озвучивая выступления танцоров, куплетистов и т.п. Собственных концертов не давали: чиновники от культуры подобное сочетание современной музыки и фольклора считали вульгарным.

Однако в 1969 г. группа (к тому времени «Лявоны») стала самостоятельным коллективом и переименовалась в «Песняры». В 1970 г. в Москве на 4-м Всесоюзном конкурсе артистов эстрады «Песняры» произвели настоящий фурор, где получили вместе с Львом Лещенко вторую премию. «После первой их песни зал замер и словно окаменел... Артисты растерянно смотрели со сцены, а зрители — на них. Так продолжалось несколько бесконечных секунд. А потом зал взорвался таким громом, какого стены Театра эстрады не слышали, наверное, никогда. Это было всеобщее потрясение!» — вспоминал позже в своих мемуарах тогда еще будущий участник «Песняров» Владимир Николаев.

С этого началось восхождение «Песняров» к вершинам славы. После подобного признания сразу нормализовались отношения с белорусской филармонией (что было в те времена жизненно важно). Последовали поездки в страны соцлагеря — Польшу, ГДР, Югославию, что по тем временам уже считалось небывалой честью. Группу везде встречали с восхищением.

Постоянно обновлялся состав. Мулявин слыл проницательным селекционером и часто приглашал в группу совсем молодых музыкантов из любительских коллективов. Так, в 1972 г. в «Песняры» из группы «Золотые яблоки» пришел вокалист Леонид Борткевич («Белоруссия», «Березовый сок»), чуть позже — певший в ресторане гостиницы «Юбилейная» Анатолий Кашепаров («Вологда», «До третьих петухов»), а спустя еще несколько лет — Валерий Дайнеко («Беловежская пушта», «Как убивали любовь»).

К 1976 г. «Песняры» стали одним из самых популярных музыкальных коллективов СССР. И как признание им была доверена честь вместе с Аллой Пугачевой представлять страну на

либо отечественных легенд. Реализовано же было только одно предложение американского продюсера Сида Гаррисона, и то лишь благодаря его настойчивости. Он добивался своего целый год. Так состоялся обширный тур «Песняров» по США вместе с группой New Christ/Minstrels.

В том же году чуть было не случилось невероятное. Оказывается, в Ленинграде на Дворцовой площади планировалось проведение концерта советских музыкантов («Песняры», Алла Пугачева и Раймонд Паулс) вместе с зарубежными, среди которых должны были быть Сантьяго и даже The Beatles. «Песняры» уже начали было готовить программу специально для этого выступления, но вскоре его отменили. Тем не менее известно, что

Отчасти из-за вездесущих поп-хитов, отчасти от небольшого ума многие недооценивали потенциал группы. Но до сих пор специалисты указывают необычайно высокий (а то и недосыгаемый для СССР) профессиональный и творческий уровень «Песняров». В их произведениях можно было услышать самые разнообразные влияния — от джаза и поздних Beatles до современной классики и прогрессив-рока. Отдельная позиция — фирменное «песняровское» многоголосье. Приведем лишь мнение Анатолия Вейценфельда, известного специалиста в области музыки и прекрасного знатока творчества группы: «Вокальные аранжировки «Песняров» подчас невероятно сложны и в интонационном, и в ритмическом отношении, нередко используется a cappella на 4, 5, 6 и более голосов, а в «Гусляре» ансамбль поет сложный «четырехколенный» (quattro proposta) канон. Вы часто слышали канон в эстрадной музыке?» (журнал «Звукорежиссер», июль, 1999 г.).

В 80-е группа продолжает активную работу над большими программами, которые (за исключением цикла военных песен «Через всю войну») остаются незаписанными. Среди наиболее значительных изменений состава — уход Борткевича (в начале 80-х он создал собственный ВИА «Мальвы», а затем и вовсе уехал в США), в связи с чем вперед выдвинулись вокалисты Валерий Дайнеко и Игорь Пеня. В 1987 г. группу покинул Кашепаров, позже перебравшийся в США.

Следующее десятилетие было для «Песняров» чрезвычайно сложным. Прежде всего сказалась неразбериха в финансировании и организации, царившая после распада СССР, поскольку прежде коллектив относился к минской филармонии, а затем отделился, став госансамблем. К концу 90-х назрел раскол. В январе 1998 г. Мулявин был смешен с должности директора ансамбля, сохранив должность худрука. На место директора был назначен Владислав Мисевич. Точку в истории поставил президент, вернувший основателя коллектива на должность директора, после чего Мисевич и ряд других музыкантов (среди них Дайнеко и Пеня) ушли из группы, создав «Белорусские песняры», а Мулявин продолжил работу с новыми музыкантами.

В начале 2001 г. группа отпраздновала 30-летие большим концертом в московском зале «Россия», в котором приняли участие прилетевшие из США Кашепаров и Борткевич. Позже последний принял окончательное решение вернуться в группу и остался жить в Минске.

На момент трагической аварии Мулявина в мае 2002 г. группа активно гастролировала и продолжала готовить к записи не раз откладывавшуюся новую программу, которая должна была стать возвращением коллектива на отечественную большую сцену. «Мы уже готовы записать пару новых альбомов. Наверное, сделаем это в Германии, Америке, куда скоро отправляемся на гастроли», — заявил руководитель ансамбля в феврале 2002 г. в интервью газете «Рязанские ведомости».

После того, как Мулявин оказался в больнице, группа продолжала гастролировать, однако его смерть ставит вполне логичный вопрос о дальнейшем существовании коллектива.

ДМИТРИЙ БЕЗКОРОВАЙНЫЙ

ОРИГИНАЛ И ДУБЛИ

«ПЕСНЯРЫ» С НИМ И БЕЗ НЕГО

являть эмоции, дабы не набивая цену на контракт с теми или иными музыкантами. Позже Николаев вспоминал в своих мемуарах: «Когда открылся занавес, у нас зарябило в глазах от количества бриллиантов, золота и других украшений, которыми были увешаны дамы в зале. После первой песни действительно раздались жиленькие, как понес, хлопочки. Мы к такому приему не привыкли, и настроение, естественно, ухудшилось. Но надо работать дальше. Второй была песня «Реченька», которую мы пели а капелла, без инструментов. Спели. В зале вообще — мертвая тишина, ни единого хлопка! Не знаю, сколько секунд длилась эта тишина, но нам показалось — вечность. И тут произошло то, что уже однажды было в жизни «Песняров», когда они первый раз вышли на сцену в Москве. И сейчас, в Каннах, чопорная, сверкающая бриллиантами публика не просто взорвалась аплодисментами, а взвыла, завопила и начала колотить ладонями, не жалея холеных пальцев. Мы не верили своим глазам и ушам».

Успех перед лицом ведущих представителей мирового шоу-бизнеса привел к большому количеству предложений о работе за рубежом. Однако Минкульт СССР и не думал отпускать куда-

Джон Леннон с большим восхищением отзывался о творчестве этого белорусского коллектива.

Несмотря на непрерывные гастроли в СССР и за рубежом, не прекращалась работа над новым материалом. Менялось музыкальное лицо группы. Во второй половине 70-х «Песняры» всерьез заинтересовались т.н. «крупной формой». Первая (и далеко не последняя) подобная концептуальная программа группы, «Песня о доле», была представлена в Москве в концертном зале «Россия» в 1977 г. — народная притча на стихи Янки Купалы.

Примечательно, что, по большому счету, «Песняры» существовали в двух ипостасях. Одну знали и любили (или ненавидели) благодаря звучавшим повсюду русскоязычным хитам вроде «Волгоград», «Березовый сок», «Белоруссия», «Беловежская пушта» — этот репертуар во многом объяснялся официальным статусом группы, который надо было поддерживать. Вместе с тем были концептуальные произведения, звучавшие лишь на концертах. Заниматься только подобной музыкой тогда им просто никто бы не дал. А потому достаточно много песен и программ так и остались в концертном исполнении — они никогда не были записаны.

Мулявин был очень компанейским, засланным человеком, с чем по очереди боролись все его близкие. Он был трагическим человеком, потому что чувствовал, что не все сможет допеть до конца. Его младший брат погиб в автокатастрофе еще в советское время на гастролях в Ялте. Владимир Георгиевич не справился со своим «мерседесом» под Минском в мае 2002 года. Врачи двух столиц до последних дней надеялись поставить Маэстро «Песняров» на ноги. Им это к нашему огромному горю не удалось. Но он успел сделать так много для Беларуси, для всего славянского мира.

«Умереть не страшно, страшно не быть, не состояться», — однажды вслед за Окуджавой повторил Мулявин. У Володи от нас тайн не было. Мы всегда знали состояние его души и не раз выводили из тяжелейших психологических стрессов. Это только на первый взгляд казалось, что у настоящих Гениев всегда все в порядке. Последнее мулявинское десятилетие и в творческом и в человеческом плане было не самым лучшим. Уходили самые верные друзья, те, с кем он начинал. Мы так счастливы, что оставались с Володей и в минуты его триумфа, и в минуты, когда ему требовалось простое дружеское участие и поддержка. Показывать людям свою слабость, свой надрыв, Маэстро так не любил. С нами он всегда был самим собой, просто человеком и настоящим, преданным другом. У нас сохранились редчайшие видеокассеты из простой человеческой жизни Владимира Мулявина, его жены — талантливой актрисы кино Светланы Пенкиной, их сына... И вот этот рисунок нас еще совершенно молодых: я, Христо и полный еще неосуществленных замыслов Володя Мулявин... У него все еще было впереди: и взлеты к высочайшей славе и признанию, и падения, после которых поднимались на ноги не многие. Володя оказался сильным, несгибаемым, со своим неброским, но упрямым характером. И в то же время был таким доступным, общительным и человечным.

Так делилась своими впечатлениями от встречи с белорусским Песняром Галина Иванова в Москве, в Болгарском культурном центре в канун «сороковин» после похорон Владимира Мулявина. В гости к болгарским друзьям Маэстро собрались его верные друзья и те, кто был в последние дни рядом с ним. Это прежде всего Галина и Христо Ивановы, хозяева этого гостеприимного Дома, сотрудники Белорусского Посольства в России Тамара Георгиевна, Александр Глод, друг семьи Мулявина Вадим Барханов с супругой, режиссер и постановщик концертного зала «Россия» Игорь Козырицкий.

Каждый сегодня может помянуть Владимира Мулявина. По-

НАМ НЕ ЗАБЫТЬ ТЕХ ВСТРЕЧ...

Вспоминает Галина Иванова, близкий друг
Владимира Мулявина и Светланы Пенкиной

мянуть — значит помнить. До- станьте старую пластинку или кассету и поставьте одну из первых и самых пронзительных песен, написанных Владимиром Мулявиным, «Александрина»: «Шукаю я — няма...». Народность творчества Мулявина не просто в том, что он писал песни и пел их на белорусском языке, понятном миллионам. В нем сквозила огромная любовь к тем, от имени кого он говорил, обращаясь к белорусскому народу. В нем проявилась как ни в ком ином и объединительная роль Песняра, которая прервалась так неожиданно. В нем была удивительная способность прожить жизнь своих героев, как свою собственную. Это в полной мере заметил и молодой композитор и исполнитель авторских песен Антон Андрухович, впервые исполнив свою песню, посвященную памяти Песняра, «Застывшая симфония».

Было сказано много проникновенных слов о прекрасном Музыканте, Друге и Человеке Владимире Мулявине. Казалось, сказано очень много хорошего. И все равно терзала упрямая мысль: мы так мало знаем о великом Маэстро. Мы все равно не знаем о нем самого важного, может статься — самого главного. Правильно замечено, что талант никогда нельзя узнать и понять до конца. Это — бездонная тайна. И в этом смысле Владимир Мулявин остается неразгаданным, как застывшая симфония. И мы будем чрезвычайно счастливы, что смогли пусть на какое-то мгновение, пусть скороговоркой поведать нашим читателям о последних днях жизни величайшего из белорусских Песняров.

АНАТОЛИЙ АНДРУХОВИЧ

Леонид БОРТКЕВИЧ,
солист ансамбля
«Песняры»:

Владимир Георгиевич всегда повторял нам, что быть Песняром, которого воспели Колас и Купала, — великая честь, требующая подтверждения даже образом жизни. Я был его первым учеником и во всем старался походить на него, да и сейчас к этому стремлюсь. Честнейший человек, никогда не отвечавший на нанесенные ему обиды, удивительно увлеченный музыкой, он оставил после себя такой песенный потенциал, на котором без преувеличения можно работать еще 100 лет.

Я С МИРОМ ОБЩАЮСЬ ПО-РУССКИ

От Федора Достоевского до Владимира Мулявина

Вышедшая недавно в свет книга «Я с миром общаюсь по-русски», куда вошла часть из моих публицистических произведений, вызвала довольно неприязненную реакцию в определенных демократических кругах. «Чуткие» к проявлениям любого народного самосознания тамошние критики просто покоробились от того, что я и мои товарищи общаемся с миром по-русски, а не по-чеченски, допустим, не по-еврейски или, на худой конец, не по-российски. В самом слове «российский», четко и звучно произнесенном, померещился избранным господам экстремизм.

Что можно сказать по этому поводу? Бесконечная демагогия, льющаяся, например, с экранов телеканалов о соотношении национального и интернационального в искусстве народов, высокородные суждения об общечеловеческих ценностях, доходящие до полного отрицания национальных начал, замысловатые толки о мировой вненациональной, а, по сути дела, космополитической культуре — лакомое блюдо, излюбленная тема пропагандистской говорильни современных либералов, якобы защитников рода человеческого, а на самом деле — самых ярых пропагандистов и идеологов человеконенавистнической концепции «золотого миллиарда».

А, ведь, вроде бы очевидно, об этом свидетельствует и история мировой культуры: ни один великий художник ни в какие времена не производил должного впечатления, а творчество его не могло претендовать на мировое признание, если он не был в своем искусстве народен и национален, и это особенно характерно для «русица» Владимира Мулявина, руководителя получивших мировое признание белорусских «Песняров». Мир знает Пушкина потому, что он русский, Бальзака — за то, что он француз, О'Генри — поскольку он американец.

Последнего писателя я взял для примера не случайно. Наверное, язвы предпринимательства, капитализма кто-то из тех же американских мыслителей отразил не хуже, чем О'Генри. Но могли кто из них сравниться с ним по яркости, выпуклости, точности и силе деталей, которыми он воссоздает

характер грубовато-прямолинейного и где-то настырно-простодушного жителя американских штатов — характер, можно сказать, национальный. Ибо то, что подмечает художник, свойственно и американскому банкиру, и ковбою, и уличному бродяге.

Безусловно, и наша всемирная отзывчивость, которую отметил, подчеркнул, анализируя творчество А. Пушкина, как первого русского человека еще Федор Михайлович Достоевский, свойственна, возможно, представителям всех национальностей. С той лишь разницей, что у них она не есть черта всепоглощающая, доминирующая. И не стала, как у нас, основой менталитета.

В каждой национальности много чего намешано. И благодаря национальным гениям, обладающим божественным даром отражать главное в душе своего народа, становимся мы узнаваемыми, признаваемыми, индивидуально значимыми и привлекательными. А общечеловеческие ценности это, наверное, все же то, что сотворено Всевышним — Человек, Солнце, Воздух, Земля, Воды, на что посягать — величайший, непрощаемый грех. И на что, однако, как свидетельствует наша виртуальная действительность, давно точит зубы «золотой миллиард».

Ему ровным счетом наплевать на интересы и самобытность любого народа. А если тот не хочет быть послушным придатком его дьявольски-компьютерной системы подчинения, то такой народ надо просто уничтожить.

Кстати, такую веселую перспективу более ста сорока лет назад предрекал русскому народу, не поддающемуся перестройке-переделке по западному образцу, один весьма образованный либерал-гуманист, современник Федора Михайловича. Его людоедские слова «уничтожить народ» и привел великий религиозный мыслитель в своем «Дневнике писателя». Но там же Достоевский подсказал нам и единственный способ уберечь себя от столь злой участи — сохранить свою русскость, а, следовательно, и всемирность.

Вот так! На том и стоим мы. И других поддерживаем.

ГЕННАДИЙ ПИСКАРЕВ

Он разгадал тайну белорусского языка

По большому счету, никто, кроме парня из Свердловска, кроме него, юнги с Балтийского флота, солдатика из мурзоты, что под Минском, Володи Мулявина так и не понял тайну дивной белорусской мелодии. Он, он разгадал и взломал замок этой тайны. Почему она уступила этому добродушному усатому парню? А почему талантается одному из ста, разве кто-нибудь знает?

После армии Мулявин пришел в Белгосфилармонию и начал присматривать себе первый состав коллектива «Лявины» (1969 год). Позже он назовет группу «Песняры», которая за 35 лет своей жизни воспитает 55 артистов. Каждый из артистов «Песняров» — это ведь пластилин, из которого не-превзойденный дар Мулявина умел делать суперзвезду эстрады Советского Союза.

То, что сделал для белорусской песни и белорусского языка русский человек Владимир Георгиевич Мулявин, в юности исключенный из Свердловского музыкалиша за увлечение западной музыкой, народ давно оценил. Мулявин стал песенным символом в республике и далеко за ее пределами. После гастролей в США уважительно о «Песнярах» отзывался основатель «Битлз»: любить «Песняров» завещал великий Леннон.

Мулявин не только дал вторую жизнь народной песне, сделал ее фактом актуального искусства, он сделал богаче каждого из нас на «Александрину» и «Беловежскую пушу», на «Вологду» и «Зачарованную мою». Без песни «Косил Ясь конюшину» не обходится теперь ни одно национальное застолье.

Помню потрясающую программу «Через всю войну», хотя сам Мулявин считал более сложной и трудной работу над стихами Маяковского «Во весь голос». Двадцать лет популярность «Песняров» была вне конкуренции, приходили и уходили новые солисты, новые жены, но в центре этого мироздания оставался «зубр» — Мулявин. Перестройка жизни задела и каждого из них: многих судьба разметала по свету — в Америку, в Израиль, в Россию, кто-то стал владельцем автоколонки, а кто-то — мужем Ольги Корбут. Кто-то попробовал создать новое поколение «белорусских песняров», а кто-то надеялся лишь на господдержку в бурное рыночное время.

Каким счастьем было возрождение «Песняров»! Как хорошо, что в Москве на Аллее звезд два года назад появилась звезда народного артиста СССР Владимира Мулявина и сохранилась телевизионная версия того юбилейного концерта!

ДАРЬЯ КАЛЯГИНА

Я смотрю на фотографию песняров первого «призыва». 1970 год... И думаю: в чем секрет этого чудесного ансамбля, который несмотря на смену поколений, сумел сберечь свой неповторимый облик на протяжении трех десятилетий. За это время в ансамбле сменилось не одно поколение музыкантов и вокалистов. Одни ушли в коммерцию, другие в поисках счастья подались за рубеж, трети вышли на самостоятельный путь, а кто-то вообще сошел с музыкального Олимпа. Но хуже всех поступили те, кто и сегодня пытается плести некрасивые интриги вокруг имени Мулявина и его жены Светланы Пенкиной, вокруг ставшего знаменитым конфликта между Владимиром Георгиевичем и новым составом «Песняров». Да Бог с ними. Каждому, как говорится, время воздаст по заслугам. Сегодня мне хотелось бы поразмышлять о дне завтрашнем, в который, несомненно, войдут песняры, молодые и новые, и пока еще для многих вовсе незнакомые...

Найти ответы на многие спорные вопросы мне помогла встреча с Владимиром Мулявиным. Тогда, в памятном 1996 году, Владимир Георгиевич так же попал в больницу и, естественно, переживал, что после операции вынужден был отказаться от своей неразлучной трубы.

— На счет моей трубы... Не уверен, что долго выдержу. Грустно без нее, как и без моих ребят, кого вырастил, кому дал громкое имя. Правда, не все, кто состоял в ансамбле, являлся настоящим песняром. Песняр, на мой взгляд, — это не только профессионализм, это образ жизни, образ мысли. Многие приходили и уходили: им было все равно, где и что играть. Для меня одного профессионализма мало...

— Так кто же являлся настоящими песнярами...

— Леонид Тышко, Леонид Борткевич, Анатолий Кашепаров — все в США. Александр Демешко и Олег Мовчан — в Москве. Володя Ткаченко сейчас работает с Финбергом. Игорь Поливода и Валерий Яшкин — светлая им память... Это настоящие мастера своего дела. Фанаты, которые могли репетировать без устали сутками. Порядочные, честные люди, очень талантливые парни.

— За прошедшие три десятилетия приходилось слышать самые разные прогнозы о судьбе «Песняров». Опытные рок-мены утверждали: следующий шаг мулявинской группы — это западный шоу-бизнес. А белорусская музыкальная элита, наоборот, утверждала, что утонет Мулявин в стилизованной аутентике, так как только на этом приобрели «Песняры» мировую известность. Третий — их было немного — никак не могли смириться, что уральский мужик смог поднять белорус-

скую народную песню, фольклор на такой высокий уровень, который многим и не снился! Еще и сегодня нетнет да и появляется в прессе глубокомудрые размышления о том, что «Песняры» изжили себя, что само их существование — нонсенс, день вчерашний».

— Подобные споры меня не волнуют. Меня волнует лишь одно: моя работа. Новые песни. Новая программа, не похожая на предыдущую. И еще люди, которым будет интересно меня слушать.

— Каждому музыканту хотелось бы быть понятным всем и нравиться всем — как Чарли Чаплин. И вместе с тем быть самим собой. Мне кажется, что вам всегда удавалось совмещать эти понятия, эти две формы существования...

— Не всегда. Многим моим почитателям я действительно мил весь, но комуто я вообще не нравлюсь. Но основной массе людей — нравлюсь! И этим я дорожу. Именно для них я живу, сочиняю, играю, пою.

«Я ВСЕГДА СТРЕМИЛСЯ СТАТЬ БЛИЖЕ КЛЮДЯМ»

— Хочешь знать, что пишут о тебе и «Песнярах» совершенно разные люди?

— Интересно...

— Евгений Светланов: «Мулявин вписал свою славную страницу в историю искусства»... Оскар Фельцман: «Мулявин настоящий талант, самобытный, мощный»...

— Вспоминаю Оскара Борисовича, когда еще в 1970 году, будучи членом жюри всесоюзного конкурса артистов эстрады, подошел ко мне и сказал: «Владимир, если они (это, значит, члены жюри), не дадут вам премии, они будут настоящими дураками».

— Георгий Свиридов всегда хотел бы у «Песняров» «Слышать народные песни, вечно шедрые и чудесные». А Валентин Распутин, когда ты всерьез заболел, написал: «Владимир Георгиевич, поднимайтесь! Сегодня и один в поле воин, а без одного, без такого, как Вы, и воинство не воинство».

— Так, я помню эти теплые слова писателя, которого безгранично ценю...

— В тон ему твердит Петр Проскурин: «С огромной радостью слушаю Вас и желаю дальнейшего процветания, полного слияния с глубинами народной души, с песней народа, которая всегда была опорой и надеждой — на тяжелом пути укрепления и защиты своих национальных корней». А вот говорит Олег Табаков: «Дорогой Володя! Двадцать лет я слушаю тебя и твоих ребят. Власти были разные и проблемы стояли разные, а голосом Вы говорили всегда человеческим и пели человеческими, реальными голосами. А я слушал с радостью музыку, которая часто трогала меня до слез, и всегда после этого так хотелось работать на всю силу».

Много других искренних слов от Георгия Гараняна, Анатолия Карпова, Михаила Ульянова, от художника Александра Киченко... А вот от Тихона Хренникова...

— Интересно услышать...

— Дорогой Владимир! Всегда восхищался Вашим искусством и той индивидуальностью, которая присуща только Вам! В Вашей индивидуальности есть нечто гипнотическое, что существует только в высших категориях художественности!

— Вот это да! Настоящая фантастика! И думать не думал, что все это есть у меня...

— Есть... И корни растут с далекого прошлого. Так когда и где началась твоя музыкальная жизнь?

— На родине, в Свердловске, в 12 лет, когда я начал играть на гитаре и зарабатывать себе на хлеб. Играя дома, на улице, около подъездов, в лесу у костра. Играя на самых разных инструментах...

ВО ВЛАСТИ МУЗЫКИ

— А кого считаешь своим первым учителем?...

— С первым учителем мне страшно повезло. Это был Александр Иванович Навроцкий. А сам он был воспитанием Харьковского института культуры, замечательный музыкант-педагог.

— Со мной он занимался по 6-7 часов в сутки. В 1956 году я поступил в Свердловское музыкальное училище, но вскоре за увлечение джазом, более точно, «за преклонение перед западной музыкой», с треском был изгнан из храма музыки. Правда, вскоре меня восстановили...

— Итак, в 18 лет ты профессиональный музыкант...

— Именно тогда я и получил приглашение от Белорусской филармонии. Приехал в Минск. Первое, что меня потрясло на вокзале, это слово

«МИНСК». А потом я оставил свой чемодан на остановке такси, но, вернувшись, нашел его на своем месте! Я немножко поработал в филармонии, а потом меня призвали на службу в армию. Служил под Минском, создал в роте военный квартет. Потом вместе с Юрий Веденеевым и Мишой Здановичем принял участие в организации ансамбля Белорусского военного округа.

— А как появились «Песняры»?

— Сам я по своей природе поклонник фольклора. Люблю народную музыку, в особенностях славянскую. Вот в начале я и собирал фольклорные мелодии Беларуси, Украины, России, Болгарии. А в начале мы проявились как ансамбль «Ля-вонь». А потом шел поиск истинного названия. Пробовали варианты «Полесские зубры», «Молодые голоса». Наконец,

БЕЛЫЙ АИСТ

СТАРЫЕ ПЕСНИ НА НОВЫЙ ЛАД

Популярность «Песняров»... Кто не помнит тройные кордоны милиции и дружинников вокруг «России» в семидесятых...

Но при всем этом для массового радиослушателя и телезрителя — репертуар на русском языке: «Вологда», песни Александры Пахмутовой и других российских композиторов. Исполняются они высокопрофессионально, красиво, но на самом деле этот репертуар только искажает настоящий творческий облик коллектива. Так, как те, кто постоянно посещает живые концертные программы, знает совершенно другой репертуар, исконно белорусский, которому, честно говоря, путь на большой экран закрыт.

На концертах идет прогонка и испытание экспериментальных крупных форм творчества «Песняров», композициями по двадцать и больше минут. Все они потом объединяются в циклы «Песня о доле», «Гусляр», цикл стихотворений Владимира Маяковского и много другого, что даже не было записано на радио.

К сожалению, исключительно «массовый» имидж «Песняров» оказался нам ближе всего, запомнился массовому слушателю своей неповторимой «Вологдой». Но разнообразие творческого облика «Песняров» содействовало и официальный статус ансамбля. Ансамбль — лауреат многих конкурсов и фестивалей, лауреат премии Ленинского Комсомола Беларуси, государственный ансамбль Республики, а руководитель ансамбля Владимир Мулявин получает звания заслуженного и народного артиста Беларуси. Не потому ли «Песняры» многими «самопальными» артистами эстрады воспринимаются, как часть советской официальной системы, в одном ряду с Иосифом Кобзоном, Софией Ротару.

Подобное понимание совершенно неверное и ошибочное, основано на все том же обывательском незнании настоящего творчества коллектива. А нередко и на откровенной зависти дилетантов. И все же официальный статус для ансамбля имел больше полезного, чем отрицательного. У «Песняров» были в то время самые лучшие в стране инструменты и аппаратура. На все эти гитары, ударные, клавишные с огромной зависимостью посматривали даже известные музыканты.

«Песняры» первыми прокладывают путь за рубеж. Сначала — союзный, а затем гастроли в США, причем не для своих на Брайтон-Бич, как у современных звезд, а по настоящей Америке, по провинциальным университетам, где и

проживает настоящая американская интеллигенция. И следует отметить, что эта публика по заслугам оценила очень своеобразный, даже для Америки, «экзотический» коллектив.

Звукозаписывающие фирмы тоже в огромном долгу перед «Песнярами». За лучшие в творческом отношении первые десять лет записано всего четыре пластинки. Многое из исполненного так и осталось на бытовом уровне любителей и теперь уже никогда не прозвучит профессионально со студийным качеством.

Возможно, подобное кой-кому покажется кощунственным, но если бы у меня спросили, есть или же был в нашей эстрадной музыке (в самом широком понятии жанра и стиля) человек, которого можно было бы со всем основанием назвать гениальным, я назвал бы только Мулявина.

Вообще, гений на эстраде — это событие не из рядовых. Талант такого масштаба, который можно назвать гениальным, обычно проявляет себя в более серьезных и авторитетных сферах. В джазе это Армстронг, Гершвин, Элингтон и Паркер, в рок-музыке — «Битлз».

Подняться над общепринятым, побороть банальное и стандартное, видеть то, мимо чего все проходят не оглянувшись, — веские приметы гениальности. Это талант, которому нельзя научиться ни в каких консерваториях и академиях. Там обычно учат профессионализму, поскольку он всегда не связан с размером дарования и всегда — результат обучения. Даже самые лучшие профессионалы — это еще не гении, хотя без профессионализма и самое большое дарование не сможет реализовать себя.

Гения возможно выявить исключительно по количеству и качеству того нового, что он привнес в искусство: насколько много этого нового, и насколько оно новое, насколько оторвалось от стандартов своего времени и открыло новые горизонты.

Первыми гениальность Владимира Мулявина увидели и по достоинству оценили искусствовед Валерий Яшкин, музыковед Наталья Завадская, звукорежиссер Рафик Рагимов.

В чем же гениальность Мулявина? Несужели и исключительно в том, что он придумал объединить фольклор с элементами рок-музыки? Понятно, не в этом. Кто только и до и после «Песняров» не пытался соединять фольклор са-

мых разных народов с роком. Нечто получалось особенное. Но не более того. По-моему талант гения не столько в том, что делается, а в том — как делается?

Стоило задать вопрос: кто слушал белорусскую народную музыку, все эти хоры, ансамбли песни и танца, даже в самой Беларуси? И особенно среди молодежи? Да никто! И вдруг все эти известные песни, благословленные мулявинским музыкальным даром, начинают звучать совершенно по-новому. Только истинный талант мог увидеть в этом материале вероятность подобного перевоплощения. И подтверждает эту мысль то, что в русской музыке, во многом схожей, ничего подобного нет, что можно было бы поставить рядом с «Песнярами». Не было подобного вчера, нет и сегодня. Русский фольклор ничуть не хуже белорусского. Но у Беларуси был русский Мулявин, а в России белорусы Мулявина не случилось. Мулявин оказался один на все славянские народы.

Песни «Песняров» даже своим содержанием отличаются от песен-однодневок, от той плоской «молодежной лирики» тех времен. За «Песнярами» чувствовались перспектива, дыхание истории, соединение многих культур. Здесь и польские мотивы, и украинские, и болгарские, и белорусские, и русские...

Но будет очень поверхностным считать, что «Песняры» использовали исключительно фольклорный материал. Знаменитая «Вероника» — это образец высокой «польской» лирики, а «Московские окна» Тихона Хренникова стали легкой и изысканной лирической русской песней, а те же «Наши любимые» Тухманова прозвучали как эмоциональные любовные монологи, страсть которых невозможно было передать на обычной эстраде тех времен. И ту и другую пел сам Мулявин, сдерживая внутреннюю эмоциональную раскрепощенность и музыкальную свободу в границах красоты и тонкого вкуса — сочетание невероятное!

Невозможно выяснить тип творческого дарования Владимира Мулявина. Я все больше склоняюсь к мысли, что единственным аналогом для него в музыке XX столетия являлся Дюк Элингтон. И для одного, и для другого инструментом для творчества являлся не рояль, не гитара, даже не лист нотной

бумаги, а реальные живые люди, коллектив исполнителей: джаз-оркестр — для Элингтона, вокально-инструментальный ансамбль — для Мулявина. Именно через коллектив конкретных исполнителей они реализовали свои творческие идеи.

У Элингтона и у Мулявина менялись участники коллектива — процесс всегда непростой и болезненный. Это всегда каким-то образом отражалось и на звучании, но такие события не выходили за рамки «фирменного» звука, который никак нельзя спутать со звучанием любого другого оркестра — если говорить об Элингтоне. Тем более, спутать «Песняров» с кем-то просто невозможно!

В результате оба музыканта создали уникальные коллективы, своеобразные живые организмы, которые и рождали вдохновенную музыку. Но есть и принципиальное различие между Элингтоном и Мулявииным и их типами творчества. Элингтон — не только бэнд-лидер, но и композитор в обычном значении этого слова, автор песен, которые исполняют сотни певцов и музыкантов всего мира.

Мулявин — также композитор, но своеобразный, который пишет исключительно для себя и своего коллектива. Представить себе репертуар «Песняров» в исполнении любого другого, пусть даже самого талантливого коллектива, просто невозможно. Разница в классе и в профессиональных требованиях очевидна. Это подтвердило и время: в телевизионном шоу о лучших песнях двадцатого столетия ни один исполнитель сегодняшней эстрады не взял для себя труд исполнить песни «Песняров». Слава Богу, что современные безголосые и глухие «поп-звезды» не попытались изувечить «Александрину» или даже «Беловежскую пушку».

И сегодня «Песняры» трудно загнать в рамки традиционного «ретро». И сегодня записи, сделанные четверть века назад, звучат... нет, не современно — они звучат вне времени. Эмоциональный заряд, который присутствует в каждой ноте, исполненной и сыгранной «Песнярами», пробивает толщу десятилетий и делает их творчество актуальным и для нашего времени, и для будущего.

**АНАТОЛИЙ ВЕЙЦЕНФЕЛЬД,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ЗВУКОРЕЖИССЕР»**

НЕТОРОПЛИВЫЙ ПОБЕГ

ИМЕННО ОН ПРИВИЛСЯ К ВЕТКЕ ЗАПАДНОГО РОК-Н-РОЛЛА

Рок-н-ролл начинался в Советском Союзе в конце шестидесятых — подлинная история тех лет и тех групп написана и уже вряд ли будет когда-нибудь написана. От тех времен несталось ничего — ни мемуаров музыкантов, ни записей, — а остались только овеянные легендами названия групп — «Сокол», «Ветер перемен»... Те группы играли на самодельной аппаратуре и пели на дурном английском. Лауреат премии Ленинского комсомола государственный ансамбль Белоруссии «Песняры», как ни странно это прозвучит, ДОСТОИН стоять в этом героическом ряду первопроходцев — основанная Владимиром Мулявиным группа входила в число первых рок-н-рольных команд в СССР. Но удивительно не то, что они рано (раньше «Машины времени», раньше «Аквариума») возникли, — удивительно то, что они долго существовали и достигли успеха, тогда как другие группы призыва ухнули в небытие.

Правда, успех, которого достигли «Песняры», был совсем не такой, о котором мечтали рок-н-рольщики подпольных команд, городские индейцы семидесятых...

Владимир Мулявин и его друзья начали в 1969-м — они играли в минских кинотеатрах перед сеансами, прием играли с таким драйвом, что публика часто требовала отменить показ кино и продолжать музыку. До того как называться «Песнярами», они назывались «Лявионами», что в переводе на русский означало «Балагуры».

В самом этом названии было уже заложено не только предвкушение фолк-рока, который им предстояло играть, но и ясное понятие о характере Мулявина, которого в группе почти всегда и любовно звали Муля: он, как казачий Иван-дурак, отличался простотой, глубиной и хитроумием. Хитроумием было сочетать в одной программе песню про лапти и европейский попсовый хит «Делайла». Простота была в самом виде ясного, круглого лица Мулявина — говоря, он наивной улыбкой подергивал себя за щеки...

«Песняры» представляли собой настоящую рок-н-рольную команду — не только по звуку, но и по манере вести себя в жизни. Мулявин носил длинные волосы и густые, опускающиеся вниз усы — невозможный облик для стерильного певца советской эстрады. Иногда, утомившись играть беззатрудную ерунду, они выкрикивали со сцены: «А теперь — песня великих Битлз!» — и играли нечто совершенно невообразимое для тех постных лет.

Местами они могли быть дикими — совершенно в стиле Пита Таушена из The Who, который, как известно, разламывал ударную установку. На некоторых концертах Мулявин играл на гитаре лежа, на других соизмешивал телевизионную технику, действующую ему на нервы. Во всяком случае, слухи о подобных подвигах Усатого Дядьки ходили. Но сильнее любых слухов доказывала энергетическую мощь группы ее музыка. Стоило им начать фольк-роковую, с тяжелым басовым рефреном, Косил Ясь

Конюшину — как пол начинал дрожать...

Образ жизни группы и ее участники вели вполне рок-н-рольный — но с поправкой на белорусскую ментальность, предполагающую три неспешные трапезы в день и литр водочки на ночь. В триаде sex, drugs and rock-n-roll на месте drugs у «Песняров» стояла водка с бульбой в виде закуски.

Барабанщик группы Александр Де-

ческие выбросы агрессии, «Песняры» никогда не были протестной командой и частью рок-н-рольного подполья. Судьба Майка Науменко или Б.Г. Мулявина не влекла. Вряд ли это был осмысленный, умственный выбор хода в шахматной партии — он просто был иным по натуре.

Диссидентские завихрения ему не были свойственны. Он не был по национальности белорусом (родился

рок-группы в лучшем случае ездили играть на танцы в соседнюю школу. Он вполне лояльно играл по советским правилам. Если бы в нем и в его группе было только это — сейчас говорить было бы не о чем. Но сверх способности приспособления в «Песнярах» было и что-то еще, что разительно отличало их от других так называемых ВИА, отвратно голосивших казенные оптимистические песни...

Людей, четко деливших музыку на подпольный и поэтому подлинный рок-н-ролл и на разрешенный и поэтому фальшивый, песни Мулявина в те годы часто ставили в тупик. Они были разрешены, их крутили по радио и выпускали на пластинках (в СССР было выпущено 12 миллионов экземпляров пластинок «Песняров»), но при этом в них были подлинный драйв и истинное чувство. Я знал в те годы человека — вполне рок-н-рольного человека, слушавшего Deep Purple и Grand Funk, — который несколько месяцев подряд напевал только одну песню: это была чувствительная и пронзительная «Александрина».

Мулявин каким-то образом умел оказаться шире рамок, которые добровольно принимал, выше потолка, под которым добродушно соглашался существовать. Более того — теперь, когда Советского Союза уже нет и можно оценивать не героизм рок-н-рольного подполья, а просто музыку, ясно, что в композициях Мулявина было больше музыки, чем во многих немудреных творениях подпольных рок-н-рольщиков, которые плохо играли на гитарах и писали наивно-патетические тексты к своим неумелым песням.

Мулявин четко знал, что делал. Он был профессионалом — это становилось понятно каждому, кто хоть раз побывал на его репетиции. Он властно руководил своей командой, добиваясь чистоты и прозрачности звука, столь присущих «Песнярам». Музыканты из его группы, представавшие на советской сцене в виде наивных фольклорных парубков, ими вовсе не были: певец Гилевич, например, слушал Оскара Питерсона и Рика Вейкмана, а Кашепаров — Led Zeppelin и Uriah Heep.

Сэм Мулявин, кстати, в том давнем моем интервью на вопрос о своих музыкальных пристрастиях ответил с наивным хитроумием человека, желающего подчеркнуть свою самостоятельность, но при этом не показаться отставшим от моды: «Мы стараемся избежать влияния других групп... Мне нравится Chicago». Он очень хорошо слышал плавную, мягкую мелодику русской и белорусской речи, очень тонко чувствовал здешний ритм и звук, не совпадавший с ритмом и звуком всемирного музыкального потока. В электрический звук группы он вплетал лиру, найденную им в одном из музеев. Он пытался привить к западному рок-н-роллу славянский побег. Таких попыток было совсем немного — и лишь две из них можно назвать безусловно удавшимися. Это Czerwone Gitary — в Польше и «Песняры» — в СССР.

АЛЕКСЕЙ ПОЛИКОВСКИЙ
«НОВАЯ ГАЗЕТА», 30.01.02

мешко вспоминал много лет спустя в одном из интервью, что в те годы «не моргнув глазом выпивал две бутылочки «водовки», литр томатного сока со сметаной и укропом, закусывал селедкой, вареной картошкой и двумя татарскими бифштексами». Это белорусское раблезианство я ощутил полной мерой в далеком 1977 году, когда приехал в Минск корреспондентом журнала «Ровесник» писать об американских гастролях «Песняров». Анатолий Кашепаров, вокалист группы (позже он эмигрировал в США), пригласил меня к себе домой — я до сих пор помню тот долгий вечер за столом, обилие бифштексов, кастрюлю с вареной картошкой, бутылку самогоня и ощущение медленно впадающих в отупление от сътной еды и крепкого пойла мозгов...

Но при этом, несмотря на периоди-

зации Уралом), но впитал в себя белорусскую ментальность, белорусский образ мысли и чувства. Как определить этот образ? Доброту, неспешность, лояльность, отсутствие истерики, мягкость нрава, в глубине которой, как свинчатка в комке пуха, кроется твердое ядро. В его музыке все это чувствовалось. Это был не просто унифицированный космополитичный рок, а именно рок из Белоруссии — музыка, лишенная столичной претенциозности, избавленная от мелкой сути, просторная, как зимние поля, неспешная, как леса вдоль дороги.

Мулявин очень хорошо вписывался в предлагаемые ему советской властью обстоятельства — участвовал со своей группой во всевозможных комсомольских песенных конкурсах, пел песни советских композиторов и ездил на гастроли за рубеж в те годы, когда другие

ПОЛ МАККАРТНИ ЗАВИДОВАЛ «ПЕСНЯРАМ»

25 января не стало главного «песняра» Владимира Мулявина. В мае прошлого года он попал в аварию. В НИИ им. Бурденко, куда Владимира Георгиевича перевели, и оборвалась жизнь великого белорусского музыканта. Незадолго до аварии основатель «Песняров» дал это интервью, которое по мистической причине (кассета с записью пропала, а потом нашлась) не было опубликовано сразу.

— Владимир Георгиевич, ходят легенды, что сам Пол Маккартни лестно отзывался о «Песнярах».

— Во время наших первых гастролей по США в 75-м году я сам читал в зарубежной прессе высказывание Маккартни. Он сказал с восхищением: «Мне бы такой голос». На нашем концерте он, конечно, не был, наверное, получил представление о «Песнярах» по записям. Кстати, в 1975 году мы записывались в студии компании «Коламбия», где перед нами производила запись группа «Чикаго», мы даже их инструменты использовали... А на следующий год, уже после второй поездки в Америку, сопровождавшейся большой шумихой в западной прессе, мы неожиданно для самих себя оказались на втором месте после «АББЫ» в чартах журнала «Биллборд».

— После распада СССР ваш коллектив стал редким гостем в России. Не пускают?

— Что вы... Нас очень тепло принимают в России. Поступает много предложений по поводу концертов, но я себя не обременяю частными поездками. Все-таки у нас семья, и мы, честно говоря, отвыкли от безумного ритма жизни, стали оседлыми и с большим удовольствием погружаемся в студийную работу. Хотя ребята наши рвутся. Они прекрасно могут и без меня обходиться, но организаторы неохотно приглашают коллектив без Мулявина.

— Ну а как же иначе, ведь вы единственный, кто в группе с момента ее образования?

— Да, у меня уже четвертый состав. Все началось в 1969 году, я очень хорошо помню то время и ту атмосферу. К жанру ВИА партийное руководство достаточно плохо относилось. На пение в инструментальных ансамблях было наложено негласное табу, поэтому нас старались задавить. Тем более что мы вошли в такую святую зону, как фольклор. Поэтому пришлось осторожничать,

долго искать оригинальный репертуар, свою подачу. А начинали, как и многие наши коллеги, с подражания «Битлз».

В свое время я многое перенял из своих экспедиций по белорусской глубинке, куда ездил в первые годы существования группы. Нового, правда, ничего не открыл, все эти записи народных песен хранились в Академии наук и были доступны. Но мне надо было увидеть глаза исполнителей, пообщаться, понять, почему народ поет такие песни.

— Чем же вы, нелюбитель гастролей, зарабатываете на хлеб с маслом?

— «Песняры» — бюджетный коллектив, государство платит нам ежемесячные минимальные зарплаты — около 3,5 тысячи вахтенных рублей. За это мы должны отработать определенную норму — шесть концертов в месяц. Если не шиковат, жить можно. К тому же у нас есть кое-какие приработки.

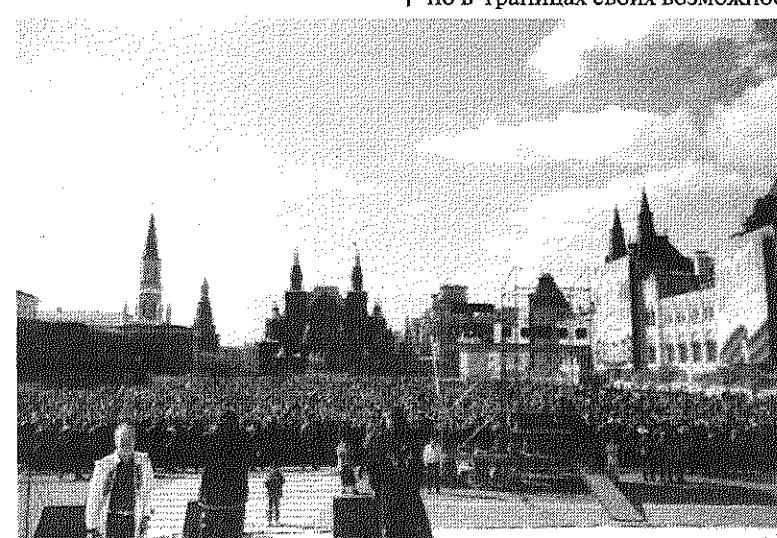
— Зарплату, значит, отрабатываете на правительственные концертах?

— К сожалению. Не всегда это радует, потому что, как правило, поешь не то, что хочешь, а то, что надо. Но, наверное, мы уже стали эмблемой Белоруссии и вынуждены нести свой крест.

— Вас не огорчает, что былая популярность коллектива уже в прошлом?

— За последние 15-20 лет я немного устал от примитивных песен. И переключился на серьезные программы, театрализованные мини-спектакли, где мы показывали, как проходили обрядовые славянские праздники — колядки, ночь Ивана Купалы и т.д. В какой-то момент меня это по-настоящему увлекло, и мы напевали на публику, хотя надо было изредка показываться на телевидении с песнями. Но нет ничего страшного в том, что мы прошли пик популярности, можно сказать, мы ею объялись.

VLADIMIR POLUTANOV

СНИМАЯ ШЛЯПУ, НЕ ТЕРЯЙТЕ ГОЛОВУ

НА ВОЛНЕ НАРОДНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Новое, новаторское, необычное всегда прокладывает себе путь по целине, преодолевая множество преград. В творчестве преодолевать те преграды, как правило, приходится только талантам, который дается от Бога. В творческой деятельности Владимира Мулявина своеобразное исполнительское мастерство органически сочеталось с глубоким знанием народного песенного творчества, сохранением и обогащением на новом витке развития ее лучших традиций. Это был прорыв не только в масштабах музыкальной культуры, но и культуры вообще, более того, в национальном самосознании народа. На семидесятые годы как раз и приходится пик белорусизации. Это было время, когда, говоря словами известной поэмы «Сказание о Лысой горе», «другой народный артист не мог связать и двух народных слов...» Мулявинские песняры мужественно пошли на встречу этой идеологически мощно обеспеченной через государственную поддержку волне национального вырождения. И победили! Разумеется, музыкально-певческая группа не могла существенно изменить ситуацию с состоянием белорусской культуры в БССР, но в границах своих возможнос-

тей они сделали почти невозможное: белорусская мелодия, которую все настойчивее оттесняли на периферию общественной жизни, начала завоевывать престижные сцены, пользоваться огромным спросом не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. И такое триумфальное шествие продолжалось не годы, а десятилетия.

В 1979 году Мулявину присваивается звание Народный артист БССР, а уже в следующем, 1980-ом, правительство соседней Польши присваивает ему титул заслуженного деятеля культуры этого государства. Факт очень показателен, так как то, что совершил на белорусской почве художественный руководитель «Песняров», являлся актуальным и для всех славянских народов.

Из созданного самим Мулявиным, как композитором, или же исполненного ансамблем, следует назвать лишь несколько произведений. Из народного репертуара — это, прежде всего, «Ой, рана на Ивана», «Перепелочка», «Косил Ясь конюшину», «А в поле верба», «Реченька», «Парень пашеньку пашет» и многие-многие другие. А из песен на стихи белорусских поэтов на первом плане — «Спадчына» на слова Я. Купалы, «Мой родны Кут» на слова Я. Колоса, «Александрина» на слова П. Бровки, «Вероника» на слова М. Богдановича, «Алеся» на слова А. Куляшова, «Белая Русь» на слова В. Скарынкина и множество других.

Благодаря всему этому, первый канал Белорусского радио и телевидения почти без перерыва передавал 27 и 28 января песни и пенные произведения в исполнении «Песняров», при этом не повторяясь. А это и успокаивало и радостью ложилось на душу в понимании величия достигнутого Мулявина. И это на фоне горечи утраты и чувства боли: да где же вы все были при жизни нашего великого Песняра, отчего же так редко звучали его, как и других белорусских композиторов и исполнителей, произведения в белорусском эфире, которым давно и прочно овладела русскоязычная безголосая и бездуховная попса.

Его вклад в развитие песенной культуры неоднократно сравнивался со сделанным и достигну-

тым знаменитым «БИТЛЗ». Так, возможно, и следовало бы, на долго не откладывая, подумать о достойном увековечении памяти его создателя и неизменного руководителя Владимира Мулявина, как это в отношении к своим знаменитым музыкантам-спевакам сделано в Англии.

Мне повезло быть там и осмотреть музей «БИТЛЗ», построенный на самом берегу, где он занимает огромную площадь, и не на поверхности, а на дне моря. Чувство переживаемое там — особенное. Попасть туда, особенно для нашего обычного туриста, нелегко и не просто, так как желающих значительно больше, чем может принять музей, да и стоимость билетов настолько дорога даже для иностранных капиталистов. Вот таким образом это учреждение не только пропагандирует свое национальное искусство, но при этом имеет и неплохую прибыль. И я убежден, если не откладывать на потом, а уже теперь объявить конкурс на проект музея «Песняров», а затем и начать строительство такого же как и сам ансамбль, оригинального здания и создать там соответствующую вкладу Владимира Мулявина и его коллектива экспозицию, то затраты обязательно в скором времени окупятся. Так как любовь белорусов к песнярам и их художественному руководителю Мулявину, думаю, не меньшая, чем у сдержаных на чувства англичан к своим знаменитостям.

Что это так, каждый смог убедиться во вторник 28 января, когда несмотря на дождливую погоду, люди выстраивались в длинную очередь, чтобы проститься с тем, кого так при жизни любили. Так же, как рассказывают старожилы, случилось и в день прощания с народным песняром Беларуси Якубом Колосом, когда людей, как еще у нас принято, не свозили на машинах на мероприятие с предприятий и учреждений, а они сами, без всякой обязательки по велению души и сердца, шли, стекались ручьями на центральную площадь столицы, где белорусы отдавали последний поклон Песняру.

ЕВГЕНИЙ ЛЕЦКО, ПИСАТЕЛЬ

Леонид Борткевич: «Постараюсь сделать все, чтобы о «Песнярах» не забыли»

Леонид Борткевич исполняет обязанности руководителя ансамбля «Песняры». Он ответил на вопросы наших читателей на форуме.

Когда учащийся Минского архитектурно-строительного техникума Леонид Борткевич выходил на сцену, актовый зал учебного заведения взрывался аплодисментами. Позднее ансамбль «Золотые яблоки», где он тогда пел, стал знаменитым на весь Минск. Тогда-то Леонид и попал в поле зрения Владимира Мулявина — руководителя «Песняров», начал петь в ансамбле.

Спев однажды свою «Алесю», Борткевич стал знаменитым. В составе ансамбля побывал на гастролях в разных странах, в том числе и в Америке. «В ходе нашей первой поездки в Штаты мы выступали с «New Christie Minstrels» — весьма известной американской группой. Существует правило: более популярная группа играет во втором

отделении концерта. В начале тура мы выступали первыми. Но после нескольких концертов нас поставили вторыми. В конце концерта мы и «New Christie Minstrels» вместе пели русский романс «Ехали на тройке с бубенцами» в обработке Пола Маккартни: они — на английском, а мы — на русском. Было очень здорово».

Однако у Леонида Борткевича всегда была мечта о кино, режиссуре. В 1980 г. мечта исполнилась: Борткевич стал студентом-заочником режиссерского факультета Московского ГИТИСа. Учеба институте не позволяла вписаться в рамки гастрольных поездок. Когда было поставлено условие: либо «Песняры», либо ГИТИС — он выбрал второе.

Его первую жену звали Ольга. В краснодарскую красавицу он влюбился с первого взгляда. Поженились, родился сын. Но гастрольные поездки внесли серьезные корректины в жизнь молодой семьи. А позже жизнь свела Леонида с прославленной гимнасткой Ольгой Корбут.

«Мы познакомились с Ольгой в 1976 г. на борту ТУ-104 — это была первая гастрольная поездка «Песняров» в Америку. Корбут летела в составе сборной по гимнастике. Проговорили шесть часов, сказал, что женат. Потом год не виделись. Когда узнал, что жена мне изменяет, сильно расстроился. Тут позвонила Корбут, я пригласил ее в Минск, и мы с горя соединились. После свадьбы

Ольга оставила большой спорт и стала моим хореографом».

После ухода из ансамбля «Песняры» Леонид Борткевич на протяжении 10 лет работал солистом Национального радио. Пока сын эмигранта, исполнитель белорусских песен в Америке Богдан Андрусишин (Данчик) однажды не пригласил супругов в гости. Уезжали в Штаты как будто ненадолго, однако жизнь вдали от родины растянулась почти на десятилетие. «Когда мы приехали в Америку в 1991 году, Олю нашел богатый бизнесмен — владелец крупного гимнастического зала для тренировок, и заключил с ней выгодный контракт. В то время в Минске ей уже ничего не светило, так что нам в этом смысле повезло. Мы прожили 22 года вместе, но все-таки больше не как муж и жена, а как друзья. У нас и по сей день, несмотря на развод, хорошие отношения».

Тягу к отечественному народному и профессиональному искусству Борткевич обрел и благодаря своему другу и учителю, основателю «Песняров» Владимиру Мулявину. С бесценными национальными сокровищами он также познакомил многих звезд мировой эстрады во время своего десятилетнего проживания за океаном. «Я был в гостях у Джорджа Харрисона, царство ему небесное, и сыграл ему «Ой, цветет калина» на рояле у него на Гавайях. И Эрик Клэптон там был рядом. И они го-

ворят: откуда такое? Две функции и такие мелодии. Я говорю, у нас все такие мелодии. В принципе «Битлз», английская группа, — это все фольклор. На этой основе «Битлз» и делали свои песни. Точно также «Песняры», хотя мы не надеялись, что такая слава придет. Просто это правильный путь».

«Володя был для меня тем человеком, без которого я бы не состоялся. Если бы мы не встретились, я бы, возможно, стал архитектором. Мне просто очень повезло, что нас тогда свела судьба. И еще одно. Мое возвращение на родину. Я ведь вовсе не думал, что вернусь. Но так случилось, что Володя попросил приехать к нему помочь. А потом я попал на «Золотой шлягер», где он и заявил: будешь петь «Березовый сок». Что поделать? Я вышел на сцену, запел «Березовый сок» и понял... что никуда отсюда не уеду. И теперь я постараюсь сделать все, чтобы продолжить дело Володи, чтобы о «Песнярах» не забыли».

«Мы надеемся, что вскоре окончательно решится вопрос о завершении строительства и открытии студии Мулявина, — подытожил наш разговор Леонид Борткевич. — Со своей стороны, мы уже сейчас готовы приступить к работе над тем материалом, который нам завещал Володя».

ДАРЬЯ АМЕЛЬКОВИЧ

ШАГАЕТ РОК, РАВНЯЯСЬ НА МУЛЯВИНА

С годами мы все становимся разными. И слушаем разную музыку. Раньше эту музыку несли в народную жизнь исклучительно «Песняры». Сегодня ситуация изменилась: в республике — десятки ансамблей рок-музыки. И все мечтают о славе «Песняров».

Трудно спорить, насколько все эти перемены конструктивны и необходимы. Но они есть. И факт появления на музыкальном горизонте новых групп сам по себе знаменателен. Следует лишь заметить, что рок в нашей стране всегда находится в оппозиции к официальной музыкальной культуре. Рок по своему значению и переводу с английского трактуется как «глыба, скала», то, что характеризует устойчивость. Это как раз и есть те определения, которые всегда были присущи ансамблю «Песняры». Мулявин являл собой скалу в бурном море ищущей и мятущейся рок-музыки.

В 1977 году белорусская фирма «Пан рекордс» выпустила так называемый «Трибют», отдав своеобразную дань уважения «Песнярам». Этот формат предполагает, что песни старого и хорошо известного ансамбля звучат в исполнении их молодых коллег. Да и название альбома звучало как «Песнярок».

В проекте согласились принять участие почти все рокеры первого поколения, и металлическая «Косил Яси конюшину» от «Тарнадо» там соседствовала с пением Валентина Гришко.

Состоялся большой концерт, который собрал несколько тысяч любителей рок-музыки. Перед ними по очереди выступали их кумиры «Крама», «НРМ», «Нейро-Дюбель», «Ляпис Трубецкой» и многие другие. А в конце на сцену поднялись «Песняры». И случилось невероятное: воспитанные совершенно на иных ритмах подростки встретили знаменитый ансамбль очень восторженно. Пресса отмечала, встреча была исклучительно доброжелательной, и ансамблю пришлось отдельные песни исполнить на «бис».

Белорусский ансамбль «Палац» известен в мире музыки как адепт «фольк-модерна». Он сделал за десять лет своего существования, казалось бы, невозможное: приспособил идею песняров к новым вкусам и техническим возможностям музыки. Когда Мулявин пе-

рекладывал народные мелодии для электрогитары, «Палац» сделал подобное для современных клавиш и секвестеров.

Лидер ансамбля «Палац» Олег Хоменко не скрывает своих чувств к творчеству Владимира Мулявина.

— Мулявин — это личность, которая вызывала уважение со стороны всего народа за свои заслуги перед ним, и подобной фигуры в белорусской культуре не было, возможно, со времен Якуба Коласа. И я очень благодарен за все, что для нас сделал Мулявин. Только благодаря ему мы, тогда еще совершенно молодая команда, приняли участие в «Славянском базаре», и к нам пришло признание. Мы только начинали свой проект и за образец брали ансамбль «Песняры». Но если бы мы не имели своего собственного взгляда на народную музыку, вряд ли бы почувствовал «Палац» поддержку от мэтра белорусской эстрады. Я не могу говорить о безоблачном будущем рока в стране. Скажу только, что большинство мировых звезд понимают: идти вперед можно, только возвращаясь к своим корням.

А вот что думают о «Песнярах» музыканты, которые в своем творчестве не используют народные, фольклорные мотивы, — панк-группа «Нейро Дюбель» и ее лидер Александра Кулаковиц:

— Личность Мулявина — это целая эпоха. Он лично не имел влияния на нашу группу, но оказывал влияние на все музыкальное пространство в бывшем СССР, подобно «БИТЛЗ» на Западе. И многие наши группы вырастали из «мулявинской шинели», получали от него благословение. И сам Мулявин очень снисходительно относился к нашим поискам. У нас в репертуаре есть песня «Вологда», записанная на диске «Песнярок». И мы ее исполняли в присутствии самого мэтра. Более того, с участием ее первых исполнителей. Они пошли на подобный шаг! Представляете. А он слушал и улыбался в свои пышные усы. Мулявину явно понравилось наше исполнение. Он очень хорошо относился к талантливой молодежи. И даже самые строптивые из нас считались с его мнением. Мулявин оказал влияние на мозги буквально всех, кто живет в Беларусь. Он как никто другой сделал очень много для белорусской культуры, стал ее краеугольным камнем. Сегодня в этом пространстве мы все и живем и творим. Да и не только мы одни. Я знаю случай, когда на приеме у легендарного Мика Джаггера спросили, кого он мог бы отметить как авторитет для себя лично, он назвал только «Песняров».

КОРИФЕИ РОК-МУЗЫКИ

Белорусская эстрада в последние десятилетия знала кризисы, творческие, человеческие, но люди верили, были убеждены — это временно, потому что есть Володя Мулявин, он придумает, найдет выход, справится...

Одному оказалось не по силам!

Владимир Георгиевич не справился с малостью, не с творческими проблемами, не с человеческим фактором — со скользкой дорогой. Он любил ездить быстро, а как иначе при его ритме, при его нагрузках...

Это мистика: сообщение о его смерти пришло из Москвы почти в тот же день, когда Россия отдавала дань памяти еще одному своему гению — Владимиру Высоцкому. Высшие силы словно увязали эти две даты в один узел, поставили этих двух людей на один пьедестал, заставили народ разом оплакивать и поминать двух Певцов, двух Орфеев, пришедших в этот мир на время и успевших за краткое мгновение, отпущенное им судьбой, перевернуть

мир, переиначить его, заставить звать своими голосами...

Прошло столетие великих Песняров... «Столетие», поскольку как бы ни были далеки друг от друга, как бы ни были непохожи, на каком бы берегу мирового океана ни жили Элвис Пресли, Джон Леннон, Владимир Высоцкий, Владимир Мулявин, они были голосом и первом XX столетия, его мятущейся душой, его поиском истины, его болью и его радостью, его счастьем и любовью...

*Они ушли вместе с веком!
Больше таких не будет!
Будут другие...
Разные...
Всякие...
Но таких — никогда!*

Потому что время не умеет двигаться вспять, потому что любовь не повторяется дважды, потому что молодость не приходит по вызову, потому что жизнь не дается авансом, потому что только тот, кто прожил ее взахлеб, имеет право остаться в памяти поколений. Надолго, навсегда, навечно...

ПЛАКАЛО НЕБО, РЫДАЛИ ДОЖДИ...

«МОЛИТЬСЯ Я БУДУ И СЕРДЦЕМ, И ДУМАМИ»

И нужно было родиться в глуби России, чтобы приехать в Белоруссию с далекого Урала, прочувствовать неповторимость и мелодичность белорусских песен, понять, что не нужно здесь чужого, когда свое песенное богатство глубоко спрятано от людей. Следовало родиться Мулявным, чтобы открыть эти песни для себя и людей и с этими песнями идти по жизни.

С первого состава «Песняров» только Мулявин оставался самым преданным звездному ансамблю. Кое-кто, купаясь в славе, которой был обласкан ансамбль после конкурса артистов эстрады в Москве, не вынес ее тяжести, так же как и заманчивых зарубежных гастролей, и стали искать счастье уже за пределами Беларуси. Анатолий Кошепаров и Леонид Борткевич — в Америке, Леонид Тышко — в Израиле. Владислав Мисевич хотя и остался на родине, счастье начал искать в бизнесе. Но «Песняры» остались в Беларуси. И название звучало. И в том, что это название звучало на протяжении тридцати лет главная заслуга Владимира Мулявина. Только благодаря ему выросло и окрепло несколько поколений замечательных музыкантов. Так же, как не одно поколение людей было воспитано на их песнях. Чудеса действительно мирового масштаба.

А подобные чудеса, если речь заходила о «Песнярах» сплошь и рядом. Чудеса начались уже тогда, когда «Песняры» сумели повернуть власть в сторону современной музыки. Той музыки, которая никак не вписывалась в правительственные концерты. Но которую

слушали люди. Только благодаря им рок-музыка в стране победившего социализма перестала считаться сплошь дьявольским порождением. Чистота интонаций да фирменное многоголосие перекрывало с лихвой все идеиные пропаганды. И «Песняров» признали.

А вот еще чудеса: они сумели сделать народную песню, которая существовала будто закованная в рамки, в живой, не оторванный от родной земли организм. Но чудеса были и в том, что даже авторские песни Мулявина воспринимались как народные. Они таковыми становились уже по своей сущности. Мало того, народными становились целые песенные циклы. И сегодня вовсе не важно, сколько альбомов появилось за более чем тридцатилетнюю историю «Песняров», что не слишком много их появилось и в последнее время. Факт остается фактом: на «Песняров» нового тысячелетия ходили также и стар и млад. Как и в середине двадцатого столетия, и наверное, сколько бы составов «Песняров» не существовало одновременно, никто из них просто не мог быть обижен невниманием слушателей. Лучи истинной славы — разве это не очередные чудеса, а ведь их свет светит далеко не всякому.

Владимира Мулявина слава не обходила стороной и не раз дарила ему чудеса личного плана. Случалось подобное и в виде фантастических песен, таких, как неповторимая баллада «Крик птицы». Случалось немало и других. Чудеса проявляли и близкие ему люди из того первого звездного состава «Песняров», которые уйда,

возвращались и поддерживали ансамбль в самые казалось бы тяжелые моменты, когда приходилось все начинать сначала. И тогда воспринималась и истинная цена тех высоких наград — медали и ордена имени Франциска Скарыны.

А еще случались чудеса в виде авансов на жизнь: Мулявин не раз попадал в автокатастрофы, но все кончалось благополучно. Но вот от последней, что случилась 14 мая прошлого года, опправиться артист так и не сумел, жизненных сил у музыканта уже было недостаточно.

После отпевания в Минском Свято-Духовом кафедральном соборе с великим артистом прощался народ в Доме офицеров. А могила великого музыканта — на кладбище на Московском шоссе в аллее почетных граждан.

Когда пел Мулявин свою величественную «Молитву», он непременно выговаривал такие слова: «За родной народ белорусский».

Вся жизнь его прошла под высоким знаком народной песни, народной музыки, искренней обоюдной любви великого музыканта и песенного народа.

**Павел БОРОДИН,
государственный
секретарь Союзного
государства:**

— Песни Владимира Мулявина, исполненные созданным им легендарным ансамблем «Песняры», любимы миллионами людей в Беларуси и России. Его жизненный и артистический путь — яркий пример плодотворности общих духовных истоков наших народов. Самые возвышенные и добрые чувства воспевал в своем творчестве выдающийся композитор, уникальный аранжи-

ровщик народной песни, замечательный исполнитель, задушевный человек.

часть жизни миллионов людей, оно заслужило поистине всемирную любовь.

**Михаил
ШВЫДКОЙ,
министр культуры
России:**

— Певец и композитор Владимир Мулявин был не только выдающимся музыкантом, он стал одним из редчайших символов нашего времени. Его творчество —

**Леонид ГУЛЯКО,
министр культуры
Беларуси:**

— Смерть Владимира Мулявина стала для культуры Беларуси невосполнимой потерей. К сожалению, в белорусской культуре не появляются таланты подобного масштаба.

**Игорь ЛУЧЕНКОК,
композитор:**

— Я знал Владимира Мулявина 35 лет. Своим творчеством он доказал, что песня поистине не знает границ. В то время, когда по миру гремели «Битлз», он сумел заставить уважать белорусскую песню не только в Беларуси — повсюду. Это не слова. Я трижды ездил с «Песнярами» в Америку, помню, как их там принимали. Его творчество стало достоянием всей планеты, эти песни наверняка еще всех нас переживут.

**Ростислав
ЯНКОВСКИЙ,
народный артист
СССР:**

— Руководитель «Песняров» — создатель национального белорусского кантири, благо-

даря которому о Беларуси узнал весь мир. Смерть Мулявина — это эпохальное горестное событие для республики бывшего СССР.

**Стас НАМИН,
музыкант и
продюсер:**

— Помимо того, что Мулявин был создателем замечательных произведений, которые знали в Советском Союзе и на постсоветском пространстве, это был светлый человек, который дарил людям теплоту своей души. «Песняры» — это подлинное детище Мулявина, который никогда не выпячивал себя на передний план, а как бы оставался в тени.

**Владислав
МИСЕВИЧ,
руководитель
ансамбля
«Белорусские
песняры»:**

— То, что смог сделать Владимир Мулявин, в несколько раз превосходит возможности одного человека. Его имя в одном ряду с классиками национального музыкального искусства. Судьба его была трагична, может, потому, что так велик был его талант...

Александра ПАХМУТОВА:

— Популярность — это только внешняя оболочка. У него была настоящая, не «раздутая» народная любовь и огромное уважение коллег. Согласитесь, иметь авторитет среди артистов, людей своеобразных, это не что иное как признание истинного таланта. Мулявин был легендарной творческой личностью. И в то время, когда в моде были «громкие» (в смысле звука) группы, «Песняры» тем не менее имели оглушительный успех. То, что делал Володя Мулявин, было над модой. Это было и осталось навсегда. Поэтому безумно жаль, что он ушел. Ушел просто хороший, добрый человек, к тому же гениально одаренный музыкант. И нам, его друзьям, осталось лишь благодарить его за то, что когда-то он был с нами.

Юрий МАЛИКОВ, руководитель ансамбля «Самоцветы»:

— Это был удивительно доброжелательный, удивительно тонкий человек. Со стороны он казался суровым и даже немного замкнутым. Но в нем всегда присутствовала такая, знаете ли, настоящая, непоказная человечность, которая всегда распространялась на всех, кто с Володей был знаком близко. Еще это был удивительный человек с точки зрения творчества. Музикой он жил двадцать четыре часа в сутки. С ним можно было разговаривать о семье, о политике, да о чем угодно, пока в какой-то момент не понимаешь, что основные его мысли витают где-то в работе, а точнее — в музыке.

И сделано им для искусства было столько, что иной человек не сделает за несколько своих жизней. Я думаю, что его место на сцене так и останется свободным, потому что таких артистов и талантов, как Володя, больше нет.

Александр БУЙНОВ, певец:

— У меня в памяти остался один эпизод, связанный с Владимиром Мулявиным. Где-то в середине восьмидесятых известный рок-певец Мик Джаггер на провокационный вопрос, кого он знает из советских рок-групп, ответил:

— В Советском Союзе есть только одна потрясающая рок-группа — это «Песняры»! И зря вы думаете, что поют они «пастушью» музыку. Ведь это же и есть тот самый настоящий славянский «ритм-блоз»!

Надежда БАБКИНА, руководитель ансамбля «Русская песня»:

— Так больно и неестественно воспринимать эту потерю. Мне кажется, что с уходом Володи уходит и еще что-то невосполнимое. И еще очень больно от того, что в очередной раз понимаешь, что опоздала. Что не успела сказать Володе очень важные и нужные слова при жизни. Зачем-то держала их в себе, ждала какого-то часа. А теперь...

ПАМЯТЬ

**21 ЯНВАРЯ
2001 ГОДА**

«ЛЮДИ ПОДЪЕЗДА»
«ПЛОЩАДЬ ЗВЕЗД»

Концерт посвящен 30-летию ансамбля «Белорусский народный оркестр „ЧУДЯГИ“»

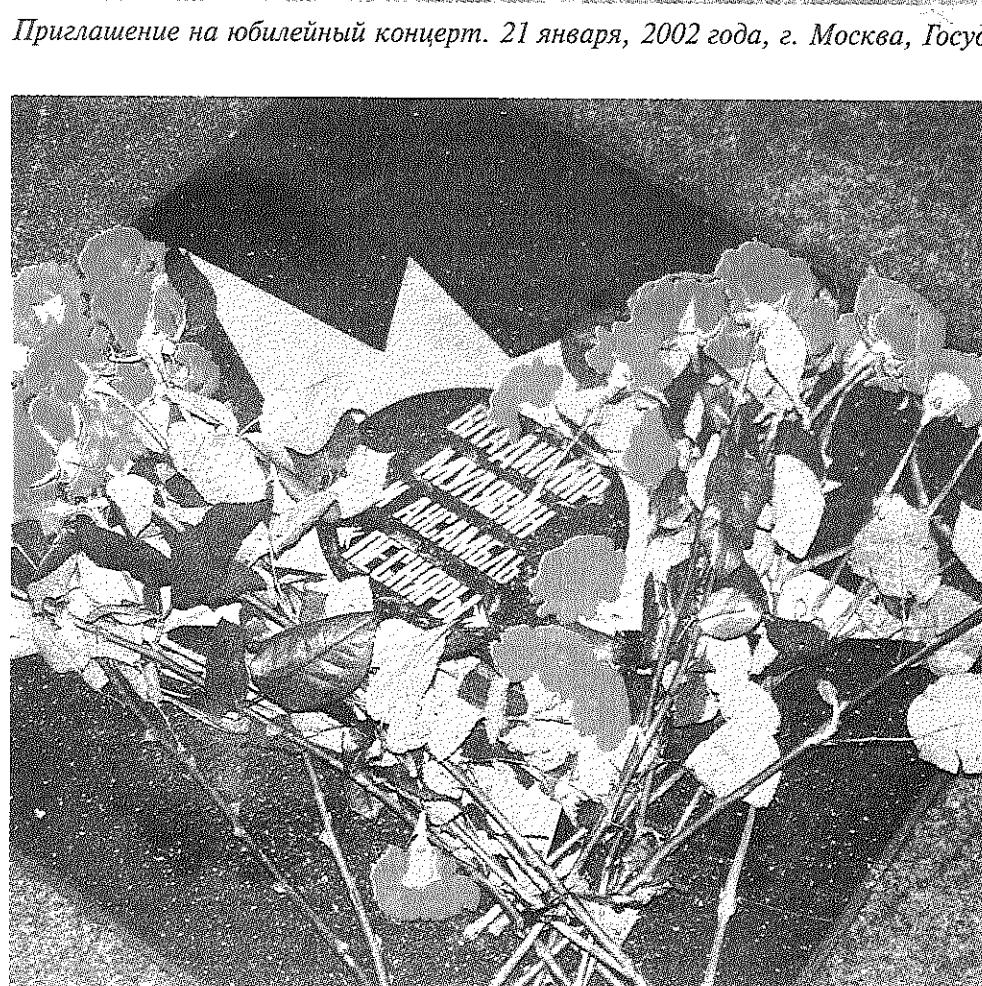
в 17:00
Начало концерта в 18:00

Белорусский народный артист СССР
Владимир Мулявин

Белорусский Государственный ансамбль
ЧУДЯГИ

Телефон для справок: 298-1124, 298-2966

Художественный руководитель проекта - Петр ШАВОЛТАЦ

Память на века. 27 января 2003 года, г. Москва

ЗАСТЫВШАЯ СИМФОНИЯ (памяти маэстро Владимира Мулявина)

Сквозь мириады снов
Черный летел «мерседес».
Черная горькая кровь...
Сумрачный выжженный лес...

В «лендровере» том еду я,
Мир мой так светел и чист,
В пропасть летит жизнь моя,
В пламя – исписанный лист...
Принев:

Бездонное море стихов,
Океан не рожденных гармоний...
В облаках виртуальных миров
Я ловлю отголоски симфоний.

И обрывки эпохи минувшей
Остаются в душе у меня:
Принев:

«Беловежская пуща... Беловежская пуща...»
Одой стала прошедшего дня...

Бридж:
Сквозь разбитые темные окна
Ловлю я мелодии свои:
И родное белорусское слово
Режет вены, как бритва, мои...

И опять соберу отголоски
Тех не выстраданных слов,
И горячим оплавится воском
Мое сердце в плена неизвестных миров...

Мои струны будут звенеть,
Поколениям новым я снова спою!
Я был рожден, чтобы петь,
Я закрою глаза, я читаю «молитву» свою...
Принев:

Антон Андрухович,
Москва, январь 2003 года

Газета «Реквием - Ритуал»

Издание зарегистрировано
в Комитете Российской Федерации по печати
ПИ № 77-11982 от 06.03.02

Учредитель и главный
редактор
Александр Глод

При выпуске газеты использованы материалы, опубликованные в белорусских и российских средствах массовой информации, фотографии из многих архивов поклонников таланта Владимира Мулявина.

Редакция выражает слова благодарности всем лицам, оказавшим помощь в выпуске данной газеты.

Отпечатано
в ООО «ИД «Медиа-Пресс»

Заказ № Н629
Подписано в печать 14.03.03
Тираж 5000